

С
О
В
Р
Е
М
Е
Н
Н
Ы
Й
А
Ю
Б
О
В
Н
Ы
Й
Р
О
М
А
Н

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ты мой ВЫЗОВ

18+

РОННИ ТРАУМЕР

НАТА РАДУГА

Ната Радуга Ронни Траумер Ты мой вызов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70436686

SelfPub; 2024

Аннотация

– Далеко собралась, Хрустальная? – насмешливо спрашивает жуткий хриплый голос. – Пусти! – кричу, ногами в воздухе махаю, руками пытаюсь отцепить его лапу от себя, а ему всё нипочём. – Отпусти! – повторяю дрожащим голосом. От отчаяния хочется выть в голос, и, как назло, вокруг ни души, да и вряд ли кто-то рискнул бы прийти мне на помощь. – Отпустить? – удивлённо спрашивает и заднюю дверь открывает. – Как отпустить? Нет, Хрустальная, ты мне задолжала, – добавляет и бросает меня на кожаное сидение, словно мешок с картошкой. Смотрю на Грозного сверху вниз, если замахнуться, можно отпихнуть его и убежать. – Даже не думай, – мотает головой, будто мысли мои читает. – Не усугубляй своё положение, – скалится и захлопывает дверь перед моим носом.

Содержание

Глава 1 Злополучное знакомство	4
Глава 2 Зверь и его хозяин	13
Глава 3 Испуганная лань	25
Глава 4 Он чудовище	37
Глава 5 Закрывать гештальт	51
Глава 6 Отморозок	59
Глава 7 Что ты скрываешь, Хрустальная?	76
Глава 8 Легко отделалась	87
Глава 9 Приятное с полезным	97
Глава 10 На моей кровати	105
Глава 11 Он во всём виноват	114
Глава 12 Занимательная история	123
Глава 13 Семейный, мать его, ужин	134
Глава 14 Выбор без выбора	144
Глава 15 Выгодное предложение	155
Глава 16 Обещал – значит сделаю	166
Глава 17 Обманчиво спокойно	175

Ронни Траумер, Ната Радуга Ты мой вызов

Глава 1 Злополучное знакомство

Первое правило в такой ситуации – усыпить бдительность.

– Осторожнее, – шиплю на парня, который чуть не сбивает меня с ног.

– Что? – раздаётся уже в спину.

– Осторожнее, говорю, – какого-то чёрта повторяю, развернувшись.

Если честно, не обратила внимания, кто меня плечом так задел, что я в стену врезалась. А сейчас... передо мной стоит высокий и... широкий парень в кожаной куртке с закатанными рукавами. Руки в карманах модных «рваных» джинсов, чёрные, как перья ворона, волосы взъерошены, голова опущена, брови нахмурены и взгляд исподлобья, который не предвещает ничего хорошего.

Ну, Аля, могла и помолчать, мало ли каких идиотов бывает в этом клубе, так нет, ты решила нарваться.

– Хрустальная? – в хриплом, как у многолетнего курильщика, голосе слышится насмешка. – Или смелая? – склонив голову к плечу, парень делает шаг вперед.

Отлично сходила носик попудрить.

– Забей, – махнув рукой, отворачиваюсь, намереваясь вернуться к друзьям за стол.

– Ну уж нет, – меня хватают за локоть и больно толкают в стену.

– Отпусти! – требую и пытаюсь вырваться.

– А ничего так, сгодишься, – с прищуром осматривает моё лицо.

Хочется сказать, что и он весьма привлекателен, но вовремя прикусываю себе язык. Это, наверное, тот бокал шампанского так на меня действует. Для чего сгожусь, спрашивать не буду, не дура, прекрасно понимаю.

– Убери от меня руки и иди куда шёл, – бросаю ему в лицо, стараясь придать голосу уверенности.

– Я и шёл, но теперь пойдём вместе, – с этими словами он сжимает мою кисть и тянет за собой в сторону туалета.

– Очень смешно, – фыркаю, не веря в такое.

Это ведь очень крутой клуб, разве здесь могут быть отморозки? Нет, сюда вход по билетам, очень дорогим, или по благу, как мы сегодня. О, точно! Это, наверное, мои подруги решили подшутить надо мной.

– Эй! – зову этого парня. – Тебя Ева с Ташей подослали, да? – в ответ тишина, только скрип открывающейся двери.

– Свалили! – обращается к кому-то, и тут же мимо нас проходят двое парней.

– Ты что делаешь? – спрашиваю, когда он дверь закрывает.

– Ну, с чего начнём, Хрустальная? – задаёт вопрос, осматривая мои голые ноги.

Меня разрывает такой громкий смех, что он отдаётся эхом по помещению. Парень моё веселье не разделяет, только прищуривается.

– Ладно, – кашляю и цепляю на лицо маску серьёзности. – Не думала, что мои девочки пойдут на такое, но, знаешь, это вот вообще не то. Ты либо не понял их, либо плохо свою роль играешь, – тараторю, но с каждым моим словом парень всё больше хмурится. – Они ведь знают, что мне никто не нужен, а если и решу завести отношения, то точно не с таким, как ты...

– Каким «таким»? – рычащие нотки в его голосе мне совсем не нравятся. – А? – парень приближается, а я начинаю пятиться назад.

– Плохим, – отвечаю, уже начиная сомневаться в своей теории. – Ты явно из плохих парней.

– Вот как? – хмыкает, продолжая наступать на меня.

Ну правда, он выглядит совсем недружелюбно, и, вон, разбитые костяшки и рассечённая губа тому подтверждение.

– Таша с Евой перестарались, – бормочу с усмешкой. – Хотя, наверное, это больше идея Таши, у неё идея-фикс све-

сти меня с кем-нибудь...

– Что ты, мать твою, несёшь? – рывкает и в один шаг оказывается почти вплотную ко мне. – Языком не туда чешешь, Хрустальная, – уже тише добавляет, обдавая моё лицо запахом сигарет и алкоголя, но на удивление это не вызывает отвращения. – Предпочитаю начинать с предварительных ласк, – кивает на пол, и я не сразу понимаю, чего он хочет.

– Это уже не смешно, знаешь...

– Никто и не смеётся, – перебивает меня и, сжав моё плечо, давит, толкая меня на пол. – Ты ведь хотела быть оттраханной, твоё желание выполняют, – продолжая говорить, он силой опускает меня на пол, я даже сопротивляться не могу.

Масштабы катастрофы я понимаю, когда парень расстёгивает ширинку джинсов. Поднимаю глаза на него и до меня доходит, что никакая это не шутка, и Ева с Ташей к этому руку не прикладывали.

– Давай сама, – вздыхает и толкается пахом к моему лицу.

– Конечно, – улыбаюсь и берусь за пояс его брюк.

Первое правило в такой ситуации – усыпить бдительность. Поднимаюсь на ноги, соблазнительно смотря на него, и пробираюсь пальцами под футболку. Чуть не стону в голос, нащупав твёрдый пресс и очертания кубиков. Ну почему такой красивый и с таким телом, но такой урод.

– Готов? – спрашиваю и прикусываю нижнюю губу.

– Давно, – ещё один толчок пахом, и животом чувствую его каменную эрекцию. Внушительную такую, даже жалко...

нет, вру, ничего мне не жалко.

– Прости, – шепчет моё воспитание, и до того, как парень поймёт, к чему мои извинения, я бью его коленом в пах. – Не ты выбрал, козёл! – выплёвываю в его лицо.

Однако, ожидаемого болезненного вопля и потока матов на мою голову не следует, парень вообще никак не реагирует. Не согнулся пополам от боли, даже звука никакого не издал. Разве что челюсть так сжал, что желваки на лице играют, и глаза страшно потемнели.

– Беги, – цедит сквозь зубы. – Беги и молись, чтобы я тебя не поймал.

Не шутит, понимаю по его взгляду.

И я убегаю. Бегу на всех парах, чуть не ломая себе ноги на этих каблуках. Но зря, он догонит, найдёт, отомстит.

Прибегаю к нашему столу, и на меня обрушивается истерика. Паника захлёстывает, топит, и я начинаю трястись как лист на ветру. Что не скрывается от моей подруги Евы.

– Ты чего? – спрашивает она, нахмурившись. – На тебе лица нет, что случилось? – поднимается на ноги и встаёт передо мной.

– Я... – заикаюсь, дрожу, слова из себя вытащить не могу и от отчаяния накрываю лицо руками, давая волю слезам.

– Аля, что случилось? Где ты была? – Ева касается моего плеча, и я вздрагиваю, как от удара.

– В чём дело? – слышу голос Таши.

– Не знаю, – отвечает ей Ева.

– Алечка? – обращается ко мне Таша. – Боже, что с тобой? – обнимает и прижимает к себе.

– Что произошло? – а это уже Артём, парень Таши.

– Какие-то проблемы? – ещё один мужской голос.

– Аля, на, выпей воды, – суёт мне стеклянную ёмкость Ева, и, убрав руки от лица, хватаю стакан и жадно выпиваю. – Господи! – восклицает Ева.

– Всё нормально, – выдыхаю охрипшим голосом. – Я просто... испугалась сильно, – делаю попытку улыбнуться и стараюсь успокоиться.

В конце концов, он ничего не успел мне сделать, но, чёрт, я испугалась. Перед глазами яркие картинки прошлого, воспоминания, которые я столько лет пыталась похоронить.

– Чего испугалась? – интересуется Артём.

– Эм... – запинаюсь, не зная, как сказать.

Это клуб, вроде ничего такого, что к девчонкам парни цепляются. Нет, я его не оправдываю, но это моя проблема. Старая, неприятная и пугающая проблема.

– Аля, – строгим тоном обращается ко мне Ева.

– Там в туалете парень был, и он... приставал, а я его ударила, – признаюсь, кивнув назад, и все переводят взгляд вниз, к полуосвещённому проёму, ведущему к туалету.

Он стоит прямо на входе, руки в карманах брюк, пряди непослушных волос падают на лоб, поза боевая, и взгляд шарит по помещению. Меня ищет.

– Посидите тут, мы сейчас, – командует Артём и смотрит

на своего друга Демьяна, который что-то шепчет на ухо Еве.

- Пойдём, – Таша приобнимает и усаживает за стол.
- Что-то случилось? – интересуется сестра Артёма.
- Недоразумение, – уклончиво отвечает Таша, поглаживая меня по спине.

Артём с Золотарёвым спускаются по лестнице и, подойдя к парню, что-то ему говорят, и они втроём выходят на улицу. Немного успокоившись, я поджимаю губы и стараюсь отогнать воспоминания, которые врезались в память, словно это было вчера. Чувствую присутствие Евы и Таши рядом, они мне что-то говорят, но я не могу различить слов. Как я могла подумать, что они это организовали?! Не стали бы они, а если и решили с кем-то меня познакомить, то выбрали бы парня куда лучше. Не знаю, сколько времени прошло, но я отрываю взгляд от своих рук, когда парни возвращаются к столу.

– Ну что? – спрашивает Таша, и я в ожидании смотрю на парней.

– Всё нормально, пошутил неудачно, – отмахивается Артём.

– А кто он такой? Почему в такой элитный клуб пропускают таких отморожков? – возмущается Ева.

– Это Грозный, – отвечает Тёма, но, судя по лицам присутствующих, это имя никому ничего не говорит. – И это его клуб, но лучше держаться от него подальше, – последнее он говорит мне.

– Я и не собиралась... – начала было, но замолкаю.

Я ведь сама его спровоцировала, и, нет, я не считаю, что неправа, просто могла молча пойти дальше, а не выделяться. Ну задел плечом так, что я отлетела к стене, ну и что, это клуб, парень выпил, лучше не нарываться, не знаешь на кого попадёшь.

Его клуб... неожиданно, однако. Мягко сказать, он не выглядит как бизнесмен, а место это дорогое и популярное, но вход здесь только для избранных. А парень... он больше похож на того, кто напал на кого-то, у кого был билет сюда.

– Ты мне не говорил, чей это клуб, – доносится до меня разговор Таши с Артемом.

– Сам не знал, Грозный... приобрёл его пару дней назад, – отвечает подруге её жених.

– Буйный мажор? – интересуется с усмешкой Таша.

– Опасный парень, несмотря на молодой возраст, – в голосе Артёма проскальзывает холод. – Обещай мне никогда не приходить сюда без меня, – смотрит на Ташу строгим взглядом.

– Ты меня пугаешь, – произносит подруга.

– Обещай. И подругам своим скажи не совать сюда нос, – требует, и Таша ему обещает.

Да кто он такой? Чем он так опасен, молодой ведь, ну, выглядит он на двадцать пять, не больше. А Тёма так говорит, будто он криминальный авторитет из девяностых. Не верю, может, он просто парням так представился. Ну какие девят-

ностые в наше время? А Артём просто ревнует, поэтому взял с Таши обещание не ходить по клубам.

Какая же я всё-таки наивная дуручка, раз решила, что этот Грозный не опасен.

Глава 2 Зверь и его хозяин

Один взгляд на этого парня, и инстинкт самосохранения просыпается мгновенно.

Аля

Конец осени в этом году особенно холодный, даже светящее солнце не согревает, но приятно щекочет кожу. Выходя из общежития, я останавливаюсь на ступеньках и, прикрыв глаза, поднимаю голову к чистому небу. Всю прошлую неделю шёл дождь, что только нагонял драматичности моему состоянию. Но сегодня я решила забыть «казус» в клубе и не накручивать себя. Семь дней прошло, и ничего не произошло, надеюсь, этот Грозный забыл обо мне. К тому же, Артём и Золотарёв с ним поговорили, не знаю, о чём, но жених моей подруги выступил в мою защиту. Волноваться не стоит, Таша успокоила, что мне незачем переживать.

От мыслей и наслаждения лучами солнца меня отвлекает зазвонивший телефон. Вытаскиваю из кармана и вижу на экране улыбающееся лицо Таши.

– Алло, – отвечаю и спускаюсь по ступенькам.

– Ты где, тебя забрать? Но имей в виду, что я только выхожу из дома, буду позже, – спрашивает и сама же отвечает на вопрос.

– Нет, не нужно, я уже иду, да и идти мне пятнадцать ми-

нут, тем более сегодня нет дождя и... – замолкаю, так и не закончив.

Рука безвольно опускается, тело каменеет вмиг, глаза неверяще уставились вперёд, где возле чёрного зверя, стоит другой зверь.

«Люди на 6-метровом чудище Dodge Ram – однозначно brutалы» – в память врезается обрывок фразы рекламного ролика из интернета.

Когда всплыло это видео, я только усмехнулась, а сейчас я понимаю, что имел в виду диктор. Чёрный, высокий и широкий пикап выглядит ужасающе, собственно, как и его хозяин, которому отлично подходит кличка «Грозный».

Прислонившись к капоту этого зверя, будто к стене, Грозный выпускает клубы сигаретного дыма в небо. Одет всё в ту же косуху, как тогда в клубе, а под ней чёрная водолазка и толстая серебряная цепочка на шее. Тёмно-серые джинсы обтягивают крепкие ноги и скрываются в тяжёлых армейских не до конца зашнурованных ботинках. Небрежные пряди волос опустились на лоб, на глазах очки-авиаторы, а отросшая щетина делает парня ещё brutальнее.

Хотя куда ещё, и так выглядит как ночной кошмар.

Нашёл! Он меня нашёл и, наверное, будет убивать медленно и мучительно за мою выходку – удар в пах. Парням это не нравится, и вообще место болезненное, а я... я всего лишь защищалась.

«Надо бежать», – огромными буквами мигает в голове.

Бежать, пока он меня не заметил, однако, выход с территории общежития перекрыт его чудовищной машиной, и у меня только одна дорога – обратно в здание.

Шаг назад, ещё один, и срываюсь на бег. Недалеко, я ведь не так много и прошла, вот первая ступенька, а там вторая, и я буду у двери. Однако, едва я ступаю на первую, как под мой крик сильная рука обхватывает меня поперёк живота, и я уже парю в воздухе.

– Далеко собралась, Хрустальная? – насмешливо спрашивает жуткий хриплый голос.

– Пусти! – кричу, ногами в воздухе махаю, руками пытаюсь отцепить его лапу от себя, а ему всё нипочём.

– Я в гости приехал, терпеливо жду её час на улице, а она убегает. Непорядок, Хрустальная, – цокает языком, продолжая идти к машине, держа меня одной рукой, словно я ничего не вешу.

– Отпусти! – повторяю дрожащим голосом.

От отчаяния хочется выть в голос, и, как назло, вокруг ни души, да и вряд ли кто-то рискнул бы прийти мне на помощь. Один взгляд на этого парня, и инстинкт самосохранения просыпается мгновенно. Жаль, у меня он отсутствовал, когда я решила замечание ему в клубе сделать.

– Отпустить? – удивлённо спрашивает и заднюю дверь открывает. – Как отпустить? Нет, Хрустальная, ты мне задолжала, – добавляет и бросает меня на кожаное сидение, словно мешок с картошкой.

– Мне очень жаль, что я... что я тебя ударила, но ты заслужил...

Господи, Аля, закрой свой рот! Вот что ты несёшь? Заслужил? Серьёзно? Ты совсем с дуба рухнула?

– Заслужил? – вопросительно бровь выгибает.

Этот танк такой высокий, что я сейчас смотрю на Грозного сверху вниз, а мои ноги на уровне его груди. Если замахнуться, можно отпихнуть его и убежать, только надо быстрее, чтобы не успел догнать.

– Даже не думай, – мотает головой, будто мысли мои читает. – Не усугубляй своё положение, Хрустальная, – скалится в жуткой улыбке и захлопывает дверь перед моим носом.

Конечно я тут же бросаюсь к ней и яростно дёргаю за ручку, но всё без толку – она заперта. Через минуту Грозный усаживается на водительское место.

– Ты уронила, – бросает мне мой рюкзак. – Так счастлива была меня видеть? – лыбится и подмигивает мне в зеркале заднего вида.

– Выпусти меня! – требую, хотя в моём положении стоило бы попросить максимально вежливо.

– Не могу, хрустальная, я так по тебе соскучился, – отвечает и заводит мотор. – Неделию спать не мог, только о тебе и думал, – продолжает, плавно трогаясь с места. – Понимаю, дуешься, что заставил так долго ждать, но, увы, дела. А как только закончил, сразу к тебе помчался, – и опять эта улыбка в зеркале.

– Что тебе нужно? – спрашиваю, испепеляя его взглядом.

– Всё, что мне нужно было, я забрал, – бросает взгляд через плечо. – Юбка – зачёт, оценил, – кивает, а я злюсь, что решила надеть сегодня это кожаное недоразумение, подарок Таши. – Но запомни, Хрустальная, на твои ноги должен смотреть только я, так что мы сегодня же выкинем эту тряпку.

– Что ты несёшь? – нервно хмыкаю. – Ты больной на голову? Выпусти меня сейчас же! Куда вообще везёшь?

– Расслабься и получай удовольствие, – звучат эти слова настолько пошло, что я вжимаюсь в кожаное сидение.

2.2

Аля

Некоторое время я молчу и прикидываю в голове, как ускользнуть от него. Но, как назло, мозги не хотят включаться, и кроме как убежать сразу, как он затормозит, никаких идей больше нет.

Господи, ну как я могла так вляпаться, учили ведь родители держаться подальше от подобных парней. Какой чёрт дёрнул меня цепляться к нему? Вот почему не прошла мимо? И как вообще могла ударить его, чем я думала? Что теперь будет? Куда он меня везёт и что со мной сделает? Что за чушь он нёс про мою юбку? Выбросит? Куда? Зачем?

– Слушай, прости что я... ну, что...

– Превратила мои яйца в омлет? – перебивает с усмешкой, и от его прямоты у меня щёки краснеют.

– Можно и так сказать, – бормочу, прочистив горло. – Была не права, давай разойдёмся...

– Тебя не учили, что за свои поступки надо отвечать? – снова перебивает, бросив взгляд на меня через зеркало заднего вида.

Глаза у него светло серые, но в моменты злости темнеют, как ночь, не знала, что такое бывает вообще. Замечаю над левой бровью старый шрам, который ничуть его не портит, но выделяется на его смуглой коже.

– Ты, видимо, тоже этот урок пропустил, – произношу себе под нос.

– Я всегда отвечаю за свои слова и поступки, Хрустальная, – серьёзным тоном проговаривает.

– Ага, и девушек насилуешь, – срывается с губ, и тут же язык себе прикусываю под его гневным взглядом.

– Тебя никто не насиловал, – говорит и сбавляет скорость. Посмотрев по сторонам, я не узнаю это место, но потом натыкаюсь на вывеску с надписью «Драйв», и понимаю, что мы приехали в тот самый клуб.

– Зачем ты меня сюда привёз? – спрашиваю, стараясь унять дрожь.

Однако парень не собирается отвечать и, выйдя из машины, открывает дверь с моей стороны. Не успеваю и пикнуть, как он хватает меня за щиколотки и тянет к себе.

– Нет! – кричу, махая ногами. – Пожалуйста, не надо, – отбиваюсь, как могу.

А он не обращает внимания ни на что, ловко хватая меня и перекидывает через плечо.

– Отпусти! Не трогай меня! – не сдаюсь, бью его кулаками по спине, но это то же самое, что молотить скалу.

– Береги силы, Хрустальная, тебе они понадобятся, – ровным тоном бросает и пожимает руку амбалу у двери, вторую опускает на мою попу, придерживая юбку.

– Помогите! Он меня похитил! – кричу мужчине, но он будто и не замечает меня.

– Громкая какая, – усмехается Грозный и заходит вместе со мной в клуб.

В отличие от прошлого раза, сегодня здесь тихо, что не удивительно, ведь утро понедельника, подобные места работают только по ночам.

– Давид Тимурович, – доносится до меня мужской голос. – Мы подготовили новый план...

– Зачем? – лениво спрашивает парня, продолжая куда-то идти.

Я могу видеть только мраморный пол, покрытый блестящим конфетти. Но если меня не поставят на ноги, то скоро не буду видеть вообще ничего. Вся кровь прилила к голове, от чего она немного кружится.

– Ну как... менять концепцию клуба, – говорит, заикаясь.

– Клуб работает? – спрашивает, как оказалось, Давид, резко затормозив и развернувшись лицом к парню.

– Работает, – бурчит.

– Деньги приносит? Приносит, – сам же отвечает на свой вопрос. – Поменялся только владелец, ничего больше. Пока это место работает само на себя, ничего менять не будем, – строгим тоном чеканит, а закончив, продолжает куда-то меня нести.

– Помогите! – вспомнив, что я пленница, кричу в надежде, что хоть этот парень чем-то поможет. – Позвоните в полицию, пожалуйста! – отчаянно прошу, пытаюсь поднять голову и посмотреть на парня.

– Тише, Хрустальная, – шлёпает меня по попе, и от возмущения я дар речи теряю. – Голосок у тебя что надо, но ты рано кричать начала, – добавляет, и вроде ничего такого, но столько скрытого смысла в его фразе.

– Да ты... ты просто больной ублюдок, – говорю на эмоциях, хотя понимаю, что лучше молчать и не усугублять своё положение.

– Ты совершенно права, Хрустальная, – он явно забавляется.

Слышу щелчок двери, а через минуту меня бросают на кожаный диван. Не сразу могу сфокусировать взгляд, от давления в висках стучит, и я на автомате прикрываю глаза, чтобы чёрные точки испарились. Звук отъезжающих колёсиков по полу, заставляет поднять веки и осмотреться.

Помещение похоже на кабинет, и, в отличие от основного зала, здесь намного светлее, даже удивительно. Но я вспоминаю, что это место Грозный обрёл не так давно, и интерьер

не его заслуга. Ему явно больше подходит чёрный цвет, как дьяволу.

– Зачем... зачем ты меня сюда привёз? – спрашиваю, смотря на парня, который уселся за рабочий стол и что-то внимательно рассматривает на экране компьютера.

– Подожди, Хрустальная, вопрос решу, потом я весь твой, – многозначительно подмигивает.

– Ты мне не нужен, – выпаливаю и вскакиваю на ноги. – Мне в институт пора...

– Сядь, – лениво бросает, продолжая смотреть в монитор с надкусанным яблоком.

– Нет, – кричу. – Ты меня похитил, у меня экзамены на носу, мне на учёбу пора...

– Сядь на место! – рывкает так, что я буквально падаю на диван, будто он силой заставил.

2.3

Аля

Испугавшись и вспомнив предупреждения Артёма, я сижу, не двигаясь и боясь лишний раз вдохнуть. Этот парень опасен, это ясно, как белый день. Грозный... даже прозвище страшное, и понятно почему. Одного взгляда на него хватает, чтобы осознать, какая гроза может тебя настигнуть, если попасться на его пути. И то, что он местами хитро улыбается, только обманчивая оболочка.

Что меня ждёт? Что он хочет со мной сделать? Убьёт, но сначала развлечётся как следует. А может, и друзей позовёт, поиздевается, в багажник засунет и покатает по городу, а потом шею свернёт и бросит где-нибудь на обочине дороги.

Когда он закончил что-то печатать на компьютере, я уже настолько себя накрутила, что, кажется, сердце разорвётся от страха.

– Ну что же, Хрустальная, твой час настал, – хлопнув в ладони, парень встаёт на ноги.

– Нет, пожалуйста, – вжимаюсь в диван.

– Ну как нет, – хмыкает и медленным шагом приближается ко мне, как хищник к своей жертве. – Кто мне яйца взбил? Кто мужиков ко мне подослал? – он всё ближе, а я заползаю наверх и уже сижу на спинке.

– Не надо, прошу, – скулю, как раненый зверёк, и подаюсь назад, однако не чувствую никакой опоры.

– Стой! – кричит Грозный и тянет руки ко мне, а я вскрикиваю.

Кричу от боли, когда лечу вниз и приземляюсь на пол всем своим весом прямо на левую руку. В плечо будто нож вонзают, и по телу бьют болезненные импульсы.

– Ну что ты творишь, Хрустальная? – спрашивает и грязно ругается. – Совсем отбитая, – цокает языком и поднимает меня на руки.

– Нет! Отпусти! Не трогай меня! – ору во весь голос, упираюсь руками в его грудь и тут же визжу от боли.

– Угомонись! – рывкает так, что уши закладывает. – Дай посмотреть, – требует, усевшись на диван, так и не опустив меня.

– Не надо, – бросаю и дёргаюсь, перед глазами пелена слёз, сердце от страха и болезненных спазмов сжимается.

– Да успокойся, невротичка, – проговаривает и, несмотря на мои попытки увернуться, снимает мою куртку и, потянув за полы блузки, срывает с неё все пуговицы под мои крики. – Да что ты орёшь, как резаная, – вздыхает и глаза закатывает. – Сиди смирно, – с этими словами он заводит одну руку за спину и осматривает ушибленное плечо. – Перелома нет, но вывих серьёзный, – констатирует, чем только вызывает новый приступ истерики.

Задёргавшись, будто прикоснулась к оголённым проводам, я пытаюсь выскользнуть из его рук, сжимая зубы от жуткой боли.

– Продолжай, – мычит, прикрыв глаза, и я застываю, понимая, что сижу попой на его твёрдом паху.

– Пусти! Отпусти сейчас же! – требую, никак не успокаиваясь.

– Ты нарываешься, Хрустальная, – рычит мне в лицо. – Либо тормозишь, либо раздевайся, – эти слова действуют на меня как пощёчина, и я застываю. – Так и думал, – хмыкает довольно. – Сырость развела, – комментирует, сжав мой подбородок и осматривая моё лицо. – Что с тобой делать?! – вздыхает, усаживает меня на диван, а сам встаёт и подходит

к рабочему месту.

– Отпусти, – всхлипываю и пытаюсь прикрыться разорванной блузкой.

– Отпущу, когда своё возьму, – обыденным тоном отвечает и кого-то набирает. – Позвони Хаосу и привези его в Драйв, – отдаёт приказ и бросает телефон на стол.

– Кто это? Что ты хочешь сделать? – испуганно спрашиваю.

– Ох, я многое хочу, Хрустальная, – скалится и возвращается на диван.

Глава 3 Испуганная лань

Я джентльмен, не оставлю девушку без «ласк».

Грозный

Смотрю в серо-голубые глаза и представляю, как они округлятся, когда я разложу девчонку на столе. Правда картинка размазывается из-за покотившихся по розовым щекам слёз. Ну что за театральная постановка? Неужто думает, что я куплюсь на эти всхлипы и невинное хлопанье влажными ресницами? Сколько я таких уже видел? Хрен посчитаешь.

На что только девки не идут, чтобы внимание парня привлечь. То, бедные, оступятся и упадут прямо в мои руки, то случайно поскользнётся, плечом заденет, кофе выльет, налетит с разбегу, якобы торопится. И ведь верят, что их тупые уловки работают, ну как не верить, если в тот же день оказываются подо мной. Однако заканчивается всё не так, как они ожидают, и понимают это, когда убегают от меня в слезах или с ругательствами на языке.

И эта туда же.

«Осторожнее» – слышу её голос в голове в ту ночь в клубе. Ну, классика – обратила на себя моё внимание. А я джентльмен, не оставлю девушку без «ласк», но я точно не ожидал, что мои яйца будут всмятку. Цену себе набивает, наверняка, наслышана обо мне и решила взять меня чем-то другим.

И ведь получилось у сучки. Неделю из головы не выходили эти серо-голубые глаза. Как и разговор на улице с этими мажорами. Защитники хреновы.

– Поговорим? – спрашивает брюнет, отвлекая меня от поисков хрустальной девицы.

– По поводу? – я зол, но сохраняю спокойствие.

– Случая в туалете, – отвечает мужчина, чем привлекает моё внимание.

– Ну давай, – усмехаюсь и двигаюсь на выход, на нашем пути тут же вырастают охранники, мои ребята. – Всё в порядке, – бросаю одному, и он, кивнув остальным, отходит в сторону.

Они вряд ли посмеют полезть на меня, но, если и рискнут, я расправлюсь с ними сам, домой уедут на скорой помощи.

Выхожу и, прислонившись к стене, прикуриваю себе сигарету, ожидая «разговора». Даже интересно, что мне предьявлять будет пижон и разукрашенный рядом с ним. Люблю татуировки, но не в таком количестве. Нахрена забивать всё тело, в том числе лицо?

– Где девка? – спрашиваю, выпустив клубок дыма в воздух.

– Не важно и лучше не подходи больше к ней, – отвечает брюнет в рубашке с закатанными рукавами. – Она всего лишь защищалась, сам пойми...

– Не пойму, – перебиваю его, пройдясь ленивым взглядом по обоим.

Спокойные, уравновешенные, нападать не собираются, я это вижу и чувствую. Глаз намётан, а чуйка никогда не подводит.

– Я такое не прощаю, – добавляю и замечаю, как татуированный напрягается.

– Давай закончим диалог мирно, – подаёт голос разукрашенный. – И не будем портить вечер.

– Вы кто будете, ребята? – отлипаю от стены резко, угрожающе, но они и не дёрнулись.

Не боятся, а зря.

– Артём, – отвечает, на что я только бровь вопросительно поднимаю. – Игнатов, – добавляет.

– Из Карбо? – ровным тоном интересуюсь, и парень кивает. – А ты кто? – поворачиваю голову ко второму.

– Золотарёв, – сразу с фамилии ходит.

– Ясно, – усмехаюсь и сквозь зубы сплёвываю на асфальт. – Значит так, мажорчики, – поднимаю взгляд на них. – Мне насрать на ваши родословные, девку вашу не трону, но если я встречу её снова... – замолкаю, потому что и так понятно.

– Грозный, ты реально это сделал? – раздаётся где-то с боку. – Ты отжал самый крутой клуб в городе, – к нам подходит мой пьяный друг Макс.

– А ты сомневался? – хмыкаю, позабыв о мажорах.

– Грозный? – хмурится Игнатов.

– Он самый, – довольно киваю, заметив, что моя слава

идёт впереди меня.

– Ладно, – бросает он. – Мы договорились, девчонку не тронь, – не спрашивает, чем я недоволен, но хрен с ним.

– Пока не увижу, – бросаю, и, кивнув, они удаляются.

– Ну что, проставляться будешь? – хлопает меня по плечу Макс.

– А тебе не хватит? – смотрю в пьяные глаза.

– Бак ещё не заполнен, – отвечает, и мы возвращаемся в клуб.

Поднимаемся в вип-зону и, вот удача, прямо напротив мажоров и их девок. Хрустальную замечаю сразу, пляшет между двумя девками. Смотрю на тонкую талию, округлые бёдра, на то, как волосы волной по спине рассыпались. Хороша, но ничего особенного, тогда возникает вопрос: какого хрена у меня стоит, если ко мне никто даже не притронулся?

На моей памяти такое впервые, чтобы я просто смотрел на девку, и член колом стоял.

Она каменеет, заметив, что, прислонившись к перилам балкона, я с неё взгляд не спускаю. Глазами обещаю скорую встречу, и я уже знаю, что не отступлю, пока не попробую её. Нездоровая какая-то херня со стояком, и надо решить вопрос – трахнуть её.

3.2

И вот она здесь, в кабинете моего нового клуба. Но вместо

ожидаемого восторга, что я обратил своё внимание на неё, вижу только испуганную лань и ненависть во взгляде. А вот это мне совсем не нравится, люблю видеть желание в глазах напротив.

Опять цену себе набивает? Нет, что-то не похоже, взять хотя бы её побег у ворот общежития. Сорвалась, будто за ней стая волков гонится. Ну, почти, волк один, и он не привык упускать добычу.

Затянул встречу, да, но возникли дела, которые мог решить только я лично. А как только вернулся, сразу к ней. Выяснить, кто такая и из чего слеплена, стоило мне одного звонка, и папка лежит на моём столе. Информацию я получил ещё пять дней назад на почту, но велел дублировать и распечатать. Бумагам я доверяю больше, чем электронным файлам.

– Ну что ты рыдаешь? – со вздохом спрашиваю, и в ответ она лишь глаза округляет. – Плечо болит? Так сама виновата, – развожу руками.

Кто её просил лезть на спинку дивана и срываться вниз? Разделась бы, отдалась и уже ехала в свой институт, а я бы забыл уже, как она выглядит. Так нет, устроила тут истерику, плечо вывихнула, а мне теперь мучиться со стояком. А он стоит, уже неделю гвозди им вбиваю, ничего не помогает. Успел за это время поменять несколько шлюх, а стоит её вспомнить, как в штанах тесно. Вот какого хрена, спрашивается? Что в ней такого?

– Сама себя похитила, – бормочет и вжимается в угол дивана.

– Я привёз тебя с комфортом, никаких мешков на голову и пистолета в бок, – усмехаюсь, когда замечаю, как эти большие глаза становятся огромными.

– Что тебе от меня надо? – вопрос, скорее всего, необходимый, потому как ясно, что мне надо, и она это тоже понимает, тут же прикусив губу.

Такой простой жест, а ствол дёргается. К ней рвётся. Схватить бы стройные ноги, к себе притянуть, на спину завалить и поиметь как следует. Показать, от чего она так пугается. Но смотрю, как она дрожит, ушибленную руку придерживает, и у самого зубы сводит. Что-то в груди царапает, похожее на сочувствие и жалость.

Странно. Я давно забыл эти чувства.

– Может... может, я могу по-другому... вину искупить? – заикается, трясётся и смотрит с такой надеждой в глазах, что я вот-вот соглашусь.

– И чем же? – вопросительно брови выгибаю.

– Я... могу рекламный проект твоему клубу сделать, – выпаливает с восторгом.

Точно, из файлов помню, что пиар учит в своём университете.

– Думаешь, этому месту нужна реклама? – с усмешкой смотрю на неё, и она тут же тушуетсся.

«Драйв» пользуется спросом давно, и здесь ничего менять

не надо, пока клуб сам прибыль приносит. Если встанет, тогда уже можно что-то предпринимать, а пока что не вижу смысла тратить ресурсы.

– Что ты хочешь? Денег? У меня нет, но я найду, – в сердцах бросает, на что я снова брови вскидываю. – Ну да, глупость, – сама себе отвечает.

– Слишком много воздух сотрясаем, – говорю усталым, но серьёзным голосом.

Задолбала своим «могу». Может, да только одно.

– Вылечишь мои разбитые всмятку яйца и свободна, – добавляю и устраиваюсь поудобнее на диване, намекая, что может приступить к «лечению».

– Да ты... как ты смеешь... – договорить ей не даёт стук в дверь.

– Давид Тимурович, Хаос прибыл, – раздаётся по ту сторону, и я шумно вздыхаю.

– Заходи, – роняю лениво, а через секунду в кабинет заходит охранник с высоким мужиком. – Привет, – встаю и жму руку усатому. – Вывих плеча, – коротко бросаю, указывая на Хрустальную.

Хрустальная. Очень подходящее прозвище. Она такая маленькая, худая, хрупкая и весит как пуховое одеяло. А чуть сильнее сожмёшь, и рассыплется, как хрустальная ваза.

– Добрый день, – здоровается Хаос и усаживается рядом с ней.

Ставит свой чемодан на пол и, открыв, достаёт оттуда ам-

пулы, шприц и какие-то повязки.

– Позвольте? – спрашивает и тянет к ней руки.

Она глазками своими хлопает и неуверенно кивает, позволяя Хаосу избавить её от блузки.

– Вышел! – неожиданно рывкаю на охранника, который пялится на полуголую девушку.

Ловлю себя на мысли, что выкинул бы и Хаоса отсюда. Нахрена я вообще его вызвал, могу ведь и сам всё сделать. Столько дрался в своей жизни, что с любой травмой научился справляться. Не ожидал просто, что так взбешусь от того, что кто-то смотрит и тем более трогает моё.

Ну что за херня происходи, мать вашу?

3.3

Грозный

Замечаю, что охранник и с места не сдвинулся. Отшатырается, когда в его рожу прилетает мой кулак.

– Оглох? – ровно спрашиваю, и он, мотнув головой, исчезает за дверью. – Сделай что-нибудь, чтобы она успокоилась, – обращаюсь к Хаосу, и тот, кивнув, продолжает выполнять свою работу.

Прохожу вперёд и занимаю место за рабочим столом, надо решить пару вопросов, не особо важных, но мне нужно чем-то заняться. Да только не выходит ни хрена, взгляд то и дело возвращается к испуганной девчонке.

– Аккуратнее! – рываю, услышав всхлип Хрустальной. – Обезболивающее вколи, – добавляю, и возвращаюсь к экрану компьютера.

Пару минут спустя понимаю, что зря глаза мучаю, сконцентрироваться не получается. Кручусь в кресле так, чтобы быть лицом к Хаосу и девушке.

Блондинка, но не крашенная, губы полные, пухлые и, скорее всего, охереть какие мягкие. Лицо не испорчено штукатуркой, тело и вовсе мечта скульптора. Грудь твёрдая двойка, тонкая талия, округлые бёдра и задница что надо.

Привык видеть рядом с собой надувных кукол, правда были и нормальные, как Хрустальная, но ни одна из них так не торкала. Не трогал толком, а стояк обеспечен. И глаза эти невинные только хуже делают, так и манят сделать всё, чтобы увидеть в них огонь, желание, азарт. А она смотрит на меня как на монстра, и пусть я такой и есть, она ведь этого не знает, так какого хрена?

– Готово, – заявляет Хаос, собрав все свои вещи и встав с дивана.

Девушка одной рукой кутается в блузку, и движения у неё какие-то заторможенные. Можно подумать, что от стресса, но я не первый день на этом свете, чую подвох.

Встаю с кресла и подхожу к дивану, смотрю, как Хрустальная головой крутит, словно держать её не может, к спинке прижимается, бледнеет. Делаю шаг к ней, хватаю за подбородок, поднимаю лицо к себе, и меня словно по башке огре-

вают.

– Ты что ей дал? – поворачиваюсь к Хаосу, который не спешит уходить, благодарности ждёт.

– Что ты сказал, – пожимает плечами, а я снова к девке поворачиваюсь и по глазам всё вижу.

– Ты идиот? – спрашиваю, отпустив блондинку, и делаю шаг к нему.

– Что? Ты хотел, чтобы она успокоилась, – возмущается мужик.

– Ты врач, твою мать! – рывкаю на весь кабинет. – Укол, таблетки, что у вас ещё должно там быть...

– Так я думал тебе надо... – договорить не даю, бью в челюсть, и он сваливается на пол с глухим стоном.

– Мне, – удар. – Надо, – ещё один. – Чтобы ей больно не было, – ещё, ещё и ещё. – Урод! Она же не торчок, какой-то, – ору во весь голос, продолжая выбивать ему зубы.

– Прекрати, – раздаётся едва слышно за спиной. – Пожалуйста, – тонкий голос такой тихий, что я только сильнее из себя выхожу.

– Мудак конченный! Какой из тебя врач, мать твою?! – разбиваю себе кулаки о его рожу.

– Дав! – кричит кто-то, перехватывает, назад тянет. – Да-ва, чёрт возьми! – отталкивает со всей силы к стене. – Ты что творишь? – рывкает на меня Макс.

– Ничего, – глухо бросаю. – Уберите, – говорю в сторону распахнутой двери, и через секунду двое охранников уносят

окровавленное тело.

– Это кто? – друг кивает на девчонку.

– Никто, – сухо отвечаю, повернувшись к ней и заметив, как она бесшумно рыдает.

Сука!

Подхожу к столу, пишу на бумажке название препарата и выхожу из кабинета, чтобы вручить одному из своих людей.

– В нашу аптеку езжай, и срочно, – коротко приказываю и возвращаюсь в помещение.

– Дав? – не унимается друг.

Не отвечаю, подхожу к незаметной двери, ведущей в небольшую ванную комнату и отмываю руки от крови. Костяшки в мясо, но мне не привыкать, заживут.

– Хватит реветь, – обращаюсь к девчонке. – Всё сделал? – вопрос уже к Максиму.

– Сделал, – кивает, продолжая прожигать меня взглядом. – Кто это, Дава? И какого хрена ты накинулся на Хаоса?

– Он облажался, – ровным тоном отвечаю, расхаживая по кабинету. – Накачал её, – смотрю на Хрустальную, и сердце удар пропускает, совсем херово выглядит.

– И что с того? – не понимает друг.

– Отвали, а, – отмахиваюсь и подхожу к кулеру, чтобы налить в стакан воды.

– Ты приводишь какую-то шалаву, калечишь нашего врача, а я должен отвалить? – возмущённо спрашивает.

– Она не шалава, – единственное, что говорю, усаживаясь

на диван и заставляя девчонку пить.

По крайней мере, в собранных о ней фактах она не была замечена в шлюшном образе жизни. А если и трахается направо и налево, то делает это очень скрытно. Шуры-муры с кем-то там водила, мудаки какие-то рядом крутятся, но больше никаких деталей нет.

Вдруг слышу скрип зубов, и не сразу понимаю, что это моя челюсть сжалась от мыслей, что кто-то её трогал.

Глава 4 Он чудовище

Господи, кто этот Грозный такой, и на что он ещё способен?

Аля

Сижу, или лежу, не могу понять, тело будто желе, голова такая лёгкая, что я едва нахожу силы держать её прямо. Не чувствую ни рук, ни ног, только прикосновения мужских ладоней. Он сжимает мои щёки так, чтобы я рот открыла и вливает в него воду. Лучше не становится, но сухость в горле исчезает.

Разум затуманен, толком не понимаю, что произошло, что вколол мне этот мужчина, и почему Грозный его избил. Всхлипываю едва слышно, вспоминая ужасную картинку перед глазами. Он с таким зверством снова и снова припечатывал кулак в лицо этому мужчине, наверняка убил. От этой мысли по щекам опять слёзы стекают.

Видела и раньше, как парни дерутся, но не так жестоко. Это было просто ужасно, а я не могла ничего сделать. Даже сдвинуться с места не вышло, всё, на что меня хватило — умолять прекратить. Но голос звучал так тихо, что вряд ли он слышал меня. Выдохнула с облегчением, когда в кабинет ворвался парень и оттащил это чудовище от бедного мужчины.

Его вынесли отсюда, как мешок с костями, никаких признаков жизни не заметила. Господи, кто этот Грозный такой, и на что он ещё способен? Глупый вопрос, я только что стала свидетелем самого жуткого зрелища.

– Дава, это уже звезда какой-то, – доносится до меня голос незнакомого парня. – Хаос был с нами столько лет, а ты его отправил...

– Жить будет, – обрывает друга таким ледяным тоном, что у самой по спине холод пробегает.

– Объясни, какого чёрта? Кто она такая? – парень делает шаг к нам, и я невольно вжимаюсь в спинку дивана, насколько мне силы позволяют.

– Не шугай её, и так пуганая, – рывкает Грозный. – Иди делом займись, – добавляет, продолжая наблюдать за мной.

– Дава...

– Дела, Макс, – прерывает стальным тоном, посмотрев на него жёстким взглядом.

– Да пошёл ты! – бросает тот и спешно покидает кабинет.

«Нет! Нет! Нет! Вернись! Не оставляй меня с ним один на один. Пожалуйста», – мысленно кричу, с тоской смотря на уже закрытую дверь.

– Не бойся, – спокойно произносит Грозный. – Ничего плохого я тебе не сделаю, – накрывает мою щеку своей огромной лапой и большим пальцем вытирает влажную дорожку. – Только хорошо, – ухмыляется, и по глазам вижу, о чём именно он думает. – Но не сегодня, не люблю безволь-

ных, – проговаривает и, встав, снова наполняет стакан водой. – Давай, тебе нужно много пить, – подносит пластик ко рту, и мне ничего не остаётся, кроме как глотать.

– Отпусти... меня... пожалуйста, – выдавливаю из себя, и каждое слово горло царапает.

– Отпущу, – кивает, и во мне рождается лучик надежды. – Когда получу своё, – добавляет и улыбается как-то по-другому, и не скажешь, что несколько минут назад чуть человека на тот свет не отправил. – Трудно жить со стоящим колом членом, Хрустальная, – от его слов у меня щёки горят. – И всё из-за тебя, – взгляд падает на мои губы, потом ниже, в ложбинку между грудей. – Вылечишь от этого недуга, и вали на все четыре стороны, – последнее, что он говорит.

Возмутиться не успеваю, да и вряд ли бы стала, с таким не тягаться. Он не понимает слова «нет», и ему явно плевать на мнение других, у него только одно мнение – его.

– Босс, – в кабинет врывается запыхавшийся мужчина и протягивает Грозному пакет.

– Свободен, – сухо бросает, забрав ношу, и, встав у стола, достаёт из посылки пластиковый пакет с прозрачной жидкостью, тонкий шланг и иглы.

– Нет, – всхлипываю и порываюсь встать, но ноги не держат, и я сваливаюсь на пол.

– Неугомонная, – устало вздыхает, подхватывая меня на руки и укладывая на диван. – Лежи смирно, – указывает и, убрав картину со стены, цепляет пузырь на гвоздь.

«Капельница», — понимаю я, наблюдая за его манипуляциями.

— Хаос накосячил, в твоей крови сейчас гуляет... — он замолкает, смотрит на меня задумчиво. — Что-то вредное, — заключает, только сильнее тревожность поднимая. — Прокапашься и будешь как новенькая, — договаривает и тянет шланг с иглой к моей руке.

Дёргаюсь, руку прячу, я не могу ему доверять. Он похитил меня среди белого дня, в свою машину запихнул, привёз сюда, где разорвал на мне одежду, явно не с хорошими намерениями, и избил до полусмерти человека. А теперь я должна верить, что он решил меня очистить от «чего-то вредного»? Нет! Махаю рукой, но это бесполезно, Грозный перехватывает руку и прижимает к дивану.

— Не заставляй меня тебя связывать, — пугающе спокойным тоном проговаривает. — Я сказал, ничего плохого не сделаю, пока не наиграюсь.

Сопротивляться нет смысла, да и сил мне не хватит, ну и, конечно, предпочитаю оставаться несвязанной. Лежу спокойно, не шарахаюсь и не дёргаюсь. Поднимаю глаза на пузырь, висящий на гвозде, читаю что там написано, намереваясь найти информацию, как только выйду отсюда.

Стоп! А где мой телефон? Я даже не помню, куда его дела. Когда заметила Грозного, разговаривала с Ташей. Чёрт, мои подруги наверняка волнуются, я ведь никогда не пропускаю лекции.

«Ну зачем я ещё и об этом вспомнила?» – думаю, зажмурив глаза и застонав.

– Не ной, я знаю, что делаю, – чудовище принимает мою реакцию на свой счёт.

А я только сейчас замечаю, что катетер уже в нужном месте и выполняет своё предназначение. Даже не почувствовала ничего, у Грозного явно опыт в таких делах есть.

– Где мой телефон? – спрашиваю, отмечая, что голос приходит в норму.

– Я его выключил, названивал без остановки, – небрежно бросает и, присев рядом, пялится на меня.

– Верни, – хотела, чтобы прозвучало твёрдо, а вышло едва слышно.

– Не заслужила, Хрустальная, – хмыкает и глаза опускает. Проследив за его взглядом, понимаю, что, пока ёрзала, разорванная блузка распахнулась, и теперь сверкаю перед ним грудью в хлопковом бюстгальтере.

Хочу прикрыться, но с досадой понимаю, что в одной руке капельница, а вторая в бандаже. Прикрываю глаза и глубоко вдыхаю, чтобы не разреветься, как вдруг голой кожи касаются холодные пальцы.

4.2

Аля

Дёргаюсь, как от удара током, в голове мысли проносятся

ся со скоростью света: как убежать, чем его ударить, защититься. Всё смешивается, перед глазами картинки прошлого, настолько явные, что, кажется, слышу в ушах собственные крики.

– Да что ты орёшь? – пробивается ненавистный голос, и я понимаю, что кричу я сейчас. – Никто не режет, – спокойным голосом произносит, и я замечаю, что он застёгивает мою блузку на оставшиеся в целости пуговицы.

Дышу тяжело и часто, грудь судорожно вздымается и опускается, а парень с деловитым видом прикрывает моё полуголое тело. На миг я даже задерживаю дыхание, сбита с толку его поведением.

– Сказал ведь, не трону сегодня, – говорит и бросает на меня тяжёлый взгляд. – Мне так не надо, Хрустальная. Я отдачу люблю, а не заплаканную морду, пусть и симпатичную. Ясно? – я едва заметно киваю, пытаюсь унять бешеный стук сердца.

От его слов мне не легче, вот ни капли. А разве может полегчать, когда тебе обещает такие вещи человек, который пять минут назад избил мужчину до полусмерти?

– Лежи и не двигайся, – приказывает и поднимается с дивана.

Краем глаза слежу за ним, не веря ни единому его слову. Нельзя таким доверять никогда, и бежать от них как можно дальше. А я могу? Нет. Не могу бросить учёбу, расстроить родителей, которые так мною гордятся, и подвести их.

А что я могу сделать? Как противостоять такому парню? Он чудовище, и не только потому, что похитил меня, а по его поведению, манере разговаривать в приказном тоне, и, естественно, по сцене с врачом.

«Я отдачи хочу», – всплывают его слова, и над моей головой загорается жёлтая лампочка. Такие, как он, не привыкли получать отказы, а я мало того, что послала тогда в этом клубе, так ещё и по яйцам дала. Грозный явный хищник, и просто так не отпустит жертву, пока не съест её. Значит, ему моё сопротивление только в кайф, из всего этого я делаю вывод, что, как только я начну на нём виснуть, он потеряет ко мне интерес. Скучно, когда жертва сама в костёр шагает, и тебе остаётся только сожрать её.

Надо взять себя в руки и перестать пугаться его. Надо забыть прошлое и не сравнивать. Надо быть покорной дурочкой, из тех, что хихикают на всякую глупость, и не потому, что хочется понравиться, а потому, что и правда смешно.

– Слушаю, – вырывает из мыслей, а точнее от постройки плана, грозный голос Грозного. – Что значит «провалили»? – рычит кому-то в трубку. – Подожди, – говорит через минуту, и я слышу, как отъезжает рабочее кресло. – Без глупостей, Хрустальная, – бросает мне с предупредительными нотками в голосе и выходит из кабинета. – Мне, твою мать, насрать... – вздрагиваю от жуткого тона за дверью.

Тяжёлые шаги стихают, а грубый бас звучит всё тише. Первый порыв – убежать, сверкая пятками, – я усмиряю,

ведь план не такой, да и вряд ли, смогу дальше двери уйти. Окон здесь нет, потому что это подвал, а по клубу шастают охранники, так что только сильнее его разозлю. И ждать непонятно чего не могу и уйти не могу и... только не плакать! Слезами делу не поможешь, я сильная, храбрая и умная девочка. Испугалась, да, но всё из-за воспоминаний, но ведь, если Грозный был бы как... он бы взял, что хочет, и выбросил, но он не стал. Значит ли это, что и правда пока ничего плохого мне не сделает?

А вот и посмотрим, сейчас самое главное – отправить в спячку ту напуганную шестнадцатилетнюю девочку и отдать бразды правления той Але, которую все знают – сильную, независимую и умеющую закрыть рот любому наглецу. Думаю и тут же вздрагиваю, когда дверь открывается, и в кабинет заходит его владелец.

Ну же, Аля, хватит трястись перед ним. Убить – не убьёт, и брать силой не станет, потому что так ему не интересно. Ты в безопасности.

– Минут пять ещё, и я отвезу тебя, – сообщает, бросив взгляд на пузырь над моей головой.

– Я могу вызывать такси, – отвечаю ровно и гордо, рассматривая с интересом потолок.

– Не позволю, чтобы моя девушка разгуливала полуголая по городу, – проговаривает и усаживается обратно за рабочий стол.

Что он там делает? Такой вид сосредоточенный, будто

важные документы составляет, хотя он ни капли не похож на бизнесмена.

– Я не твоя девушка, – запоздало отвечаю и мысленно даю себе подзатыльник.

Планировала ведь вешаться на него, как любая клубная тёлка.

Грозный ничего не говорит, только насмешливо хмыкает. Не имея, что сказать, я слежу за капельницей и считаю каждую капельку, до самой последней. Отвлекают шаги, нависшая надо мной тень и шлейф древесины, исходящий от него.

Парень со знанием дела вынимает катетер, заклеивает пластырем место, где была игла, и опускает рукав, пока я молча лежу и слежу.

– Вставай, – приказывает, закончив все манипуляции.

– Нет, – заявляю я, и слышу стук собственного сердца в ушах.

– Не понял? – прищуривается, от чего кажется ещё грознее.

– Я передумала, – не говорю, мурлычу как кошка. – Давай сделаем то, зачем мы сюда пришли, – стараюсь не выдать себя дрожащим голосом и переключаю его внимание на собственные пальцы, проводя ими по своей груди.

В глазах парня вижу азартный огонёк, и я понимаю, что, возможно, —нет, точно – мой план полное фуфло.

– Хорошо, – ухмыляется, и одуматься не успеваю, как он оказывается между моих раздвинутых ног.

4.3

Аля

Убеждаюсь, что у меня напрочь отказали мозги и я слишком переоценила свои силы. Стоило парню прижаться к моей промежности своим каменным пахом, как я заорала на весь кабинет. Принялась отбиваться, толкать его ногами и руками, бить по плечам кулачками, царапать его лицо. Вдруг мне закрывают рот грубой ладонью, и вынуждено замолкаю, смотря перед собой испуганным взглядом.

– Запомни, Хрустальная, – чётко, по слогам. – Никогда не дёргай зверя за усы, он может тебя и сожрать, – пугающе тихо проговаривает, придавив меня к дивану своим весом так, что мне даже дышать нечем. – А теперь встала, привела себя в порядок и не издаёшь ни звука. Поняла? – я только киваю в ответ, но облегчения ещё не чувствую, даже после того, как он встал с меня и застыл у стола.

Плечо ноет, посылая болезненные импульсы по всей руке, от того, что мне пришлось его напрягать, пока отбивалась. Сама виновата, решила переиграть его, будто и не поняла, что такого, как он, фиг обыграешь.

С одеждой справляюсь с трудом, вернее никак, – блузка едва держится на оставшихся двух пуговицах, а куртку я и вовсе самостоятельно не надену. Руку тревожить не хочу, и так болит, что выть в голос хочется. Вздрагиваю и подаюсь

назад, когда Грозный бесшумно приближается и уже нависает надо мной как скала.

– Не дёргайся, – нервно бросает и ловко надевает на меня куртку. – Хрустальная, – неожиданно усмехается, и из глаз исчезает раздражительность. – Разбиваешься быстро, в детстве, наверное, вечно с разбитыми коленками ходила, – добавляет, а я злюсь.

«Ничего я не разбиваюсь», – хочется крикнуть ему в лицо, но только зубы сжимаю. Да, я была активным ребёнком, лазила везде и всюду, и в самом деле вечно с разбитыми коленками, но он не имеет права говорить мне такое.

Я, в отличие от него, родилась и выросла в селе, где из развлечений были догонялки, прятки и футбол на пустыре. Летом мы ходили на речку, а там тебе не пляж в Дубае с белым песком, каждый раз что-то да расцарапаю себе об имеющиеся там камни. В принципе, я могла и дома что-то себе разбить, хозяйство у нас большое, животины, огород, работы всегда много. И в желании поскорее все задачи сделать, чтобы папа отпустил нас с сестрой к ребятам-соседям, мы торопились. А как известно, спешка ни к чему хорошему не ведёт.

– Злишься, – хмыкает, вырвав из воспоминаний.

Как бы я хотела сейчас вернуться в беззаботное детство, где единственной проблемой было отпроситься у отца погулять. А не вот этот Грозный, которому плевать на людей и их мнение.

– Мне нравится, – усмехается и облизывается, как наевшийся сметаны кот. – Твои эмоции очень вкусные, – шепчет, наклонившись к моему лицу. – Поехали, отвезу тебя в общагу, а то передумаю, – бросает, отходя от меня.

Испугавшись, спешу к двери, пока парень хватается со стола ключи от машины и телефон. Не собираюсь ждать, хочу на воздух, на запах свободы. Толкаю тяжёлую металлическую дверь и упираюсь носом в спину охранника. Мужчина молниеносно поворачивается и хмурится, смотря на меня сверху вниз.

– Куда собралась? – грубым тоном спрашивает и, сжав моё плечо, толкает обратно в кабинет.

– Руки! – рывкает за спиной Грозный, и мужчина убирает от меня свои конечности, словно я отравленная, а он может что-то подхватить, и отходит в сторону, освобождая путь. – Иди, что встала?! – толкает меня в спину, явно не рассчитывая силу, хотя, наверняка, ему просто плевать.

Быстро перебираю ногами по коридору, уже предвкушая, как закроюсь в своей комнате и спрячусь под одеяло. В институт мне сегодня уже не попасть, из-за чего на душе кошки скребут. Я не пропускаю лекции, что бы ни случилось, хоть Армагеддон, цунами или метель. Несмотря ни на что, я очень хорошо училась в школе, потому что папа вечно твердил, что в жизни ничего не добиться, если у тебя нет высшего образования.

– Смотри на меня, доча, не доучился и что имею? – гово-

рил он как-то вечером.

— У нас всё есть, пап, — отвечала я, не понимая, что его не устраивает.

— Есть, но могло быть больше, — кивнул. — Ремонт получше, машина поновее... — замолчал и выдохнул.

Я всё равно не понимала, что его гложет, может, сам факт, что не получил диплом, или то, что он бросил университет, чтобы пойти работать и помогать своему брату доучиться. Дядя Валера учился на врача, а там деньги нужны были, и у них с папой был только отец, который уже мало что мог. Знаю точно, что его расстраивает то, что дядя Валера уже много лет и не вспоминает о родне. Если случайно встретятся где-то в городе, обмениваются парой слов, но на этом всё.

Из-за того, что сам не доучился, папа с детства вбивал нам в голову, что высшее образование — очень важный этап в нашей жизни. Когда я поступила в наш институт, моей гордости не было предела. Ведь вуз предоставляет только двадцать бюджетных мест, и мне удалось урвать себе одно. Ещё больше радовалась, когда папа похвалил и сказал, что очень мною гордится.

— Свободна, — раздаётся слева от меня, и я только сейчас понимаю, что так погрузилась в свои мысли, что не заметила, как приехали.

Хватаюсь за ручку и собираюсь унести ноги как можно дальше, пока этот красивый внешне, но уродливый внутри парень не передумал отпускать меня.

– Хрустальная, – прилетает в спину, едва я выхожу из машины.

Поворачиваюсь и со стучащим сердцем смотрю на него, а Грозный лениво достаёт сигарету, прикуривает и выпускает клубок дыма в окно.

– Сильно не расслабляйся, – медленно, словно я могу не понять. – Ещё раз встречу, просто так не уйдёшь, – договаривает и смотрит таким взглядом, что у меня ощущение, будто получила кулаком под дых.

Глава 5 Закрывать гештальт

Надо довести дело до конца и избавиться от этого наваждения и рвущего штаны стояка.

Грозный

Сажусь в рабочее кресло лицом к окну и, подперев подбородок кулаком, пялюсь на то, как с неба падает снег, попутно слушая Антона, который словно по бумажке читает.

– На додж есть несколько покупателей, гелик тоже уже забронировали, мерс не готов...

– Достаточно, – обрываю его. – Это всё перетрёшь с Максом, – отмахиваюсь от посредника, продолжая таращиться на валящий снег.

Сейчас бы сесть в тачку, рвануть к универу, запихнуть её в машину и увезти к кромке леса. Тёплый салон, запотевшие окна, её рот на моём члене и мои пальцы, запутавшиеся во влажных от снега светлых волосах.

– Документы ведь не готовы, и продавать пока не можем, Макс сказал, это к тебе вопрос, – выдёргивает из фантазии Антон.

– Будут до конца недели, – бросаю и кручусь в кресле. – Свободен, – указываю на дверь и хватаю бумаги со стола.

Надо работать, искать новые тачки, желающих покупать, а я, мать вашу, думаю только об этой пигалице. Сам же отпу-

стил, ехал с ней к общежитию, понимая, что слишком много возни. Не привык я к такому, мне некогда играть в кошки-мышки, хотя, бл*дь, жёсть как хочется. Азарт такой, будто в первый раз на гоночной трассе оказался. Стоит подумать о ней, и кровь в венах закипает.

Обычная девка, ничем не выделяется, но, сука, из головы не выходит. И нахрена отпустил, спрашивается? Трахнул бы и жил бы себе спокойно, а сейчас незакрытый гештальт покоя не даёт.

Смотрю на бумаги, но вижу сквозь них. Чё ломалась так? Другие прыгают на мой член, стоит пальцами щёлкнуть. Ни одна девица не остаётся в моей кровати, ни одну не имею больше одного раза, имена не запоминаю, мозг не засоряю. А эта буквально оккупировала его своим личиком.

Вдруг в носу щиплет от знакомого запаха. Глюки? Нет, слишком явно чувствую чёрттов аромат. Весь салон ею пропах, ни с чем не спутаю.

– Утро доброе, – раздаётся голос Макса, и друг плюхает свою задницу на кожаный диван. – Ты чё такой?

– Чем от тебя несёт? – спрашиваю, нахмурившись.

– Хрен знает, – хмыкает, пальцами цепляет свитер и нюхает. – Женскими духами, – хохочет и бровями играет.

В голове вспышка злости, перед глазами Хрустальная стоит под Максом, и кулаки с хрустом сжимаются.

– Новый кофе-автомат охеренная вещь, а кофе с корицей по утрам так вообще, – довольно мычит, делая глоток из бу-

мажного стакана.

Корица! Она пахнет корицей, я ещё сравнивал с булками, которые мать пекла мне в детстве. Резко встаю с кресла, в два шага оказываюсь рядом с другом и, схватив за шкурку, тяну на себя. Как ненормальный вдыхаю запах его свитера и тут же морщусь от приторности. Вырываю стакан из его руки, нюхаю, и глаза сами собой закрываются.

– Дав, у тебя крыша течёт? – серьёзным тоном спрашивает Макс. – Мне нужно опасаться за свою жизнь?

– Херню не неси, – бросаю и возвращаюсь за рабочий стол.

– Эй, мой кофе, – возмущается друг.

– Новый себе сделаешь, – отмахиваюсь и как наркоман подношу напиток к лицу и вдыхаю чёртов запах корицы.

– Я требую объяснений, ты уже какую неделю ведёшь себя как...

– Кто? – спрашиваю, выгнув бровь.

– Как идиот, – выплёвывает. – Это из-за той девки? Слишком много внимания от тебя, то инфу о ней собрать, то в клуб притащил, ещё и Хаоса из-за неё избил. Что за херня, Дав?

– Х*й знает, – честно отвечаю. – Надо её трахнуть и успокоиться, – признаюсь.

– Ну и в чём проблема? Иди и трахни, у нас дел по горло, гонка на носу, ты мне нужен в адеквате, – заявляет, и есть в его словах правда.

Надо довести дело до конца и избавиться от этого наваждения и рвущего штаны стояка.

– Займись делом, – бросаю, схватив ключи от гелика, и иду на выход.

– Не облажайся, – кидает мне в спину.

– Пошёл нахрен, – отвечаю, слыша его ржач.

Сажусь в тачку, завожу мотор и еду закрывать гештальт. Похрен, чего мне это будет стоить, ну поломается для приличия. Я что, с бабой не справлюсь?

Спустя полчаса заезжаю на территорию универа, глушу машину и сразу замечаю хрустальную девочку. Голубые джинсы, белый вязанный свитер, такая же шапка, из-под которой выглядывают светлые волосы, заношенный пуховик расстёгнут, а на плече рюкзак. Идёт, не торопясь, и смотрит себе под ноги, не замечая, что направляется прямо ко мне.

Хмурюсь, когда к ней подбегает какой-то перец с ублюдскими усиками над губой. Хватает за локоть, резко разворачивает к себе и что-то верещит. Хрустальная отвечает, явно не с удовольствием, и пытается руку из его хватки вырвать. Тип в кожаной куртке с белым мехом и не думает её отпустить, дёргает на себя.

– Отвечай на вопрос и не будь такой смелой, – доносится до меня, когда опускаю окно, чтобы услышать, о чём они разговаривают.

– Мне нечего тебе сказать, Воронцов, – почти кричит девочка. – Отпусти и не трогай меня, – снова вырывается.

– Да нужна ты мне, нищесбродка, – мерзко смеётся и толкает её, чуть не заваливая на очищенный от снега асфальт. –

Ещё заразишь чем-нибудь, – демонстративно вытирает ладони о штаны.

– Слышь, – кричу я и вижу, как Хрустальная вздрагивает. Узнала, хмыкая про себя. – Отошёл от неё, – громко, но совершенно спокойно.

– А то что? – ухмыляется урод.

– Глаз на жопу натяну, – всё ещё ровным тоном. – Хрустальная, сядь в машину, – перевожу взгляд на девчонку.

Она таращится на меня, глазками своими хлопая, и резко срывается с места.

– Да что же ты непослушная такая, – бормочу и выхожу из тачки.

– По ходу, тебя не ждали, – ржёт этот мудила.

– Скройся, пока я тебе пушок с лобка не вырвал, – бросаю и догоняю девчонку. – Ну какого хрена, Хрустальная? Знаешь ведь, что догоню, – с этими словами хватаю её поперёк живота и несу к машине.

5.2

Грозный

Брыкается, бьётся, царапается и кричит, а меня её сопротивление только сильнее заводит. Строптивая девчонка, тем слаще будет её покорность.

– Помогите! – орёт во весь голос.

– Со мной она так не орала, – комментирует усатый, всё

ещё стоя на том же месте, спрятав руки в карманы брюк и с насмешливым лицом наблюдая за мной.

— А ты принципиально на кулак напрашиваешься? — спрашиваю, и девчонка замирает. — Да я не тебе, не бойся, — усмехаюсь ей в ухо и открываю заднюю дверь гелика. — Посиди, пока а я с твоим хахалем разберусь, — подмигиваю, а она глазами своим огромными на меня смотрит.

Губы дрожат, щёки покраснелись, ресницами хлопает, тяжело и часто дышит, привлекая внимание к вздымающейся груди... ну какая невинность, я почти верю.

— Нет! — приходит в себя. — Выпусти меня! — требует, на выход рвётся.

— Ага, щас, — хмыкаю и захлопываю дверь перед её носом, тут же заблокировав машину.

Поворачиваюсь к мажору, но пацан уже отошёл на несколько шагов и с кем-то трещит по телефону, мерзко ржёт, запрокинув голову назад. Ну и ладно, мы обязательно встретимся ещё, я ничего не забываю. Обхожу тачку и занимаю водительское место, тут же слыша, как девчонка яростно борется с ручкой в попытке улизнуть.

— Прекрати ломаться, я оценил твои старания, — ровно бросаю через плечо и завожу мотор.

Хрустальная замолкает и падает назад, когда я трогаюсь с места. Всклипывает, и в зеркало заднего вида замечаю, что обняла себя руками, отгородилась.

— Как твоё плечо? — интересуюсь, гоня по городской трас-

се среди машин.

– Не твоё дело, мудака! – выплёвывает, заставляя улыбнуться.

– Неужто характер есть? – вопросительно выгибаю бровь.

– Что тебе надо? – глаза гневом сверкают, а голосок дрожит.

– Ну как, я предупреждал не попадаться на моём пути, – серьёзным тоном отвечаю.

– Ты нормальный? Ты сам приехал! – в сердцах бросает. – Я не хожу по подобным местам...

– Каким? – хмурюсь, перебив и остудив её пыл.

– Уголовным, – ядом сочится, но уже не такая уверенная.

– И не надо, Хрустальная, – ухмыляюсь. – Таким девочкам там не место.

– Прекрати меня так называть, – яростно бросает.

– Как? – да, я издеваюсь, ну вкусные у неё эмоции, не могу отказать себе в удовольствии.

– Я не хрустальная, что вообще за дурацкое прозвище? – ох, как чувственно, распаляет похлеще, чем голые шлюхи на шесте в клубе, хочу ещё.

– Хрупкая, как хрустальный сервиз, как мне тебя ещё называть, – голос ровный, но жёсть как тянет заржать.

– Ты на уголовника похож, я же не называю тебя соответствующе, – фыркает и отворачивается к окну.

А я ловлю себя на мысли, что её пылкость нравится куда больше, чем всхлипы, слёзы и испуганный взгляд. Нет, страх

в глазах есть и сейчас, но гнева куда больше.

– Ты права, Хрустальная, парень я не очень хороший, а это что значит? – поворачиваюсь к ней, когда торможу на светофоре.

– Что? – выдавливаю из себя.

– А это значит, девочка, что нужно контролировать то, что вылетает из твоего милого ротика, – подмигиваю и мысленно указываю стояку в штанах потерпеть.

– Урод! – выплёвывает, на что я только ржу.

– Не пи*ди, я красавчик, – произношу и вижу, как она морщится от моего выражения. – Ох, ушки у нас нежные, – комментирую её реакцию.

– Куда ты меня везёшь? – меняет тему.

– К себе, детка, – отвечаю, кивая. – У нас одно незаконченное дело...

– Нет у нас с тобой никаких дел и никогда не будет! – орёт с яростью.

– Голосок у тебя, конечно... – протягиваю, поджав губы. – Стоны, наверное, ещё вкуснее, – предвкушаю, и член дёргается в нетерпении, когда заезжаю на закрытую парковку многоэтажки.

Глава 6 Отморозок

Ему доставляют удовольствие мои сопротивления

Аля

Минув автоматические ворота и пункт охраны, автомобиль заезжает на подземную парковку высокого стеклянного жилого комплекса. Этот район для тех, у кого карманы набиты валютными купюрами, я здесь никогда не была и предпочла бы, чтобы и дальше так было. Но Грозный не спрашивает, чего ты хочешь, это я поняла ещё в прошлую нашу встречу.

Сама виновата!

Внутренний голос твердит без перерыва, что внимание этого отморозка ко мне исключительно моя вина. И, да, моя крошечная наивность верила, что мы больше никогда не встретимся. Я не собиралась как-то с ним пересекаться, а он чётко дал понять – не видит меня, значит, не трогает.

Наивная дура!

Там, на территории университета, я думала, что он просто мираж. Визуализация моих кошмаров, и, если бы мне дали выбор, я бы выбрала меньшее из зол, Воронцова. Он, конечно, мерзкий мажор, которому и повод не нужен, чтобы тебя задеть, но на фоне Грозного – божий одуванчик.

Глупая девчонка!

Я и правда верила, что смогу убежать? Да я даже до ворот не дошла, как он схватил, не обращая внимания на мои потуги выбраться из его лап. Уверена, ему доставляют удовольствие мои сопротивления.

Я разозлилась.

Если в первый раз тряслась от страха, то сейчас я хочу его придушить. Как показывают в роликах из интернета про самооборону, забросить на его голову ремешок от сумки и вырубить негодяя. Но то ролики, а тут реальная жизнь, и мне пока не хочется с ней прощаться.

Во-первых, он за рулём, что, если... нет, какое «если», мы точно во что-нибудь врежемся, и хорошо, будь это столб, а вдруг другая машина. Я не хочу, чтобы по моей вине пострадали невинные. А во-вторых, далеко не факт, что этот трюк сработает как нужно, и он просто отключится, и я не придушу его окончательно.

О чём я вообще думаю? Грозный выглядит так, что скорее ремешок от моего дешёвого рюкзака лопнет, прежде чем на его шее останутся хотя бы следы. И, нет, я не преувеличиваю, однако и парень не похож на чемпиона по бодибилдингу. Но на моём фоне, с моими пятьюдесятью килограммами и метром шестьдесят роста, он кажется огромным шкафом.

Я злая!

Разозлил сначала преподаватель, который какого-то чёрта ко мне придирается ни за что. Потом Воронцов с его вопросами про Еву и брошенными оскорблениями в мою сторону.

А вишенкой на торте стал этот отморозок, думающий, что имеет право решать за меня.

Не знаю, откуда, но почему-то кажется, что, несмотря на всё, плохого он мне не сделает. Нет, я, конечно, очень чётко помню, что он сделал с тем мужчиной в кабинете, до сих пор эти кровавые картинки перед глазами. Либо мой инстинкт самосохранения снова ушёл в глубокую спячку. Ну, в крайнем случае, мозг перестал работать. Иначе как объяснить то, что вместо того, чтобы закрыть рот, я всю дорогу препираюсь с этим поистине опасным человеком?

– Приехали, Хрустальная, – возвращает в реальность своим хрипло-бархатистым голосом.

Вот как может в человеке уместиться такая привлекательность, красивый голос и одновременно мерзкий характер, нецензурная брань и жестокость?

Как бы там ни было, он в самом деле симпатичный, я бы даже сказала, что внешность у него модельная. Ему бы с Владом позировать для модных журналов для зимней коллекции, а не разбивать чужие лица.

– Отлично, спасибо за поездку, – произношу и дёргаю ручку двери, но, конечно, она не поддаётся.

– Смешная, – усмехается, окинув меня взглядом своих светло-серых глаз, и выходит из машины.

Я тут же пробую открыть дверцу, знаю, что далеко не уйду, но и сидеть и ждать не могу.

– Не надоело? – спрашивает, едва я высовываю ножку.

– А тебе? – с вызовом спрашиваю.

Точно, инстинкт самосохранения покинул меня окончательно. Наверняка понял, что со мной ему не жить.

– Мне? – вопросительно выгибает бровь.

– Тебе, – киваю и выхожу, уже не думая бежать, это бесполезно. – Не надоело таскать к себе девушек, которым ты противен?

Ох, Аля, чуешь уже запах смерти? Нет? А она очень близко.

– Противен, значит, – повторяет с усмешкой. – А так ты мне нравишься ещё больше.

– Как? – какого-то чёрта интересуюсь.

– Плюющаяся ядом, – шепчет, наклонившись к моему лицу, обдавая горячим мятным дыханием.

– Могу и отравить, – бормочу, потому что его близость сбивает весь мой боевой настрой.

– Не можешь, – хмыкает и отстраняется, дав мне возможность полноценно вдохнуть. – Пошли, мне некогда, – хватается за руку и тянет к лифту.

– Ты принципиально не рассматриваешь девушек, которые хотят с тобой идти? Не заводит, когда согласны? – не унимаюсь, да и не собираюсь молчать.

– Не заводит, – коротко отвечает и заходит в железную коробку.

Нажимает кнопку тринадцатого этажа, и лифт плавно начинает подниматься. Едем в тишине, и, пока поднимаем-

ся, меня начинает потряхивать. Придирки придилками, но масштабы катастрофы я начинаю понимать только сейчас. В клубе был шанс, что его кто-то отвлечёт или зайдёт, но сегодня, в квартире на тринадцатом этаже, у меня нет никаких шансов избежать чего-либо. Не верю, что он и в самом деле пойдёт на это. Он жесток, да, и явно опасен, но с его внешне-стью явно не страдает отсутствием внимания женского пола. Не выглядит, как парень, которому нужно применять силу для того, чтобы девушка легла с ним. Да о чём я, мне ли не знать...

Глубокая осень, ночь, пятиэтажка, красивый парень рядом, бабочки в животе и романтический ужин, а потом... балкон второго этажа, пелена слёз на глазах, дикий ор, доносящийся из квартиры и отсутствие выбора. Сломать себе ноги при прыжке или быть использованной всеми его друзьями?

– Ну нет, Хрустальная, – протягивает Грозный, вырвав меня из воспоминаний. – Верни щекам цвет, трахать мертвецов мне не в кайф.

– Что? – едва шепчу, не понимая его фразу.

– Что-что?! Бледная как смерть, – проговаривает и, схватив за запястье, тянет по коридору в серых тонах к металлической коричневой двери. – Некогда с тобой возиться, но так уж и быть, выпьем по бокалу, – с этими словами он открывает и толкает меня в свою берлогу.

За спиной захлопывается дверь, словно крышка моего

гроба.

С тринадцатого этажа ...я не выживу.

6.2

Аля

Сделав пару неуверенных шагов вперёд, я попадаю в огромную гостиную, смежную с кухней. Светлые пол и стены, чёрный угловой диван с левой стороны, рядом с ним круглый кофейный столик, напротив плазма на полстены, а под ней на комодке несколько разных игровых приставок. По правую сторону чёрный высокий овальный стол, вокруг которого барные стулья, и в углу кухня, естественно, тёмного цвета. На самом деле, смотрится очень гармонично на фоне белых стен, и всё кристально чисто, словно здесь никто не живёт.

Но самое главное – это панорамные окна. Вид с этой высоты просто нереальный, наверняка и закат можно каждый вечер наблюдать.

Не сдержавшись, я шаг за шагом приближаюсь к окну, как замороженная. Будто меня и не привели сюда силой, и меня не ждёт никакая опасность. Забываю обо всём, наслаждаясь видом, и не слышу шаги за спиной. Прихожу в себя, когда мою талию обвивают сильные руки, а шею обдаёт горячее дыхание.

– Хочу прижать твоё голое тело к этому окну и трахать

сзади, пока ты будешь стонать моё имя, – хрипло шепчет на ухо, и меня словно горячей лавой окатили прямо из ведра.

Тело покрывается бисеринками пота, низ живота наливается тяжестью, дыхание сбивается, словно в марафоне участвовала, а сердце соскакивает с ритма. Его низкий голос, хрипотца и томление, с которым он всё это сказал, выбивают меня из колеи. Я буквально вижу себя со стороны... голое тело блестит от пота, руки расставлены на окне, а позади меня, прижатый вплотную, стоит Грозный со своим выточенным из камня телом.

Господи, Аля, проснись!

– Убери руки, – выпаливаю, но настолько неуверенно, что сама себе не верю.

– Хватит ломаться, Хрустальная, – проговаривает и прикусывает мочку уха.

Впечатления от прекрасного вида исчезли, и на смену приходит реальность. Страшная, пугающая и без шанса на спасение.

Пользуюсь расслабленностью парня и, собрав все силы, отталкиваюсь от него и отхожу на несколько шагов. Грозный либо ожидал, либо не показывает удивления. Стоит как солдат, ожидающий команды: ноги на ширине плеч, руки вдоль тела, кулаки сжаты, голова слегка опущена, и наблюдает за мной исподлобья. Вот-вот набросится, как дикий хищник на беспомощную жертву.

– Прошу, ты ведь не такой отморозок, – мямлю с надеж-

дой.

Почему-то нет никаких сомнений, что он именно такой. Ему явно надоела эта игра, и он точно не привык столько бегать за девушкой. Но дело в том, что мне и не нужна его беготня, всё, чего я хочу, – это чтобы он исчез из моей жизни.

– Ну правда, – продолжаю, так и не дождавшись хоть какого-то ответа. – Зачем тебе столько мороки? Уверена, что у тебя нет проблем с девушками, любую пальцем помани, и она твоя, – говорю, но каждое слово даётся с трудом.

Он так смотрит, что мне кажется, он просто придушит меня, возьмёт, что ему хочется, и закроет вопрос.

– Я не ломаюсь, честное слово, и в клубе не специально... так вышло, знала бы, к чему это приведёт, точно не пошла бы... – сбиваюсь, когда парень меняет положение головы, склонив её к плечу. – Ты мне неинтересен, – продолжаю, почему-то веря, что моя речь достигнет своей цели. – Неужели тебе в кайф заниматься... этим с той, которая не хочет?

– Хрустальная, ты меня заебала своей болтовнёй, – устало вздыхает, опрокинув голову назад. – У меня дел дохера, а я стою здесь и сопли твои наматываю, хотя должен косу на кулак мотать и на хер свой натягивать, – он говорит это с предельной серьёзностью и утомлением, а у меня уши горят от его прямоты и не совсем культурной речи.

– Ты ненормальный... – мотаю головой в отчаянии. – Зачем? Почему я?

– Хочу и всё. Устраивает такой ответ? – спрашивает и идёт

на меня, заставляя попятиться назад.

– Нет, – едва слышно бормочу.

– А мне похрен, – выпаливает и в два шага нависает надо мной.

6.3

Пячусь назад, едва сдерживая испуганный вскрик от его резких движений, но упираюсь в кухонную столешницу.

– Я сыт по самую глотку твоими мнимыми сопротивлениями, – бросает раздражённым тоном и, зацепив собачку молнии, растёгивает мой пуховик. – Никогда ещё не плясал столько перед девками, нашлась, принцесса, – бормочет недовольно, избавляя меня от верхней одежды, не обращая внимания на мои слабые, по сравнению с его напором, попытки остановить его.

– Не надо, – едва слышно произношу.

Голос сел от страха, а рассерженный взгляд его светло-серых глаз пугает ещё больше. Ему и вправду всё равно уже, каждое движение говорит о том, что ему надоело, и меня не спасёт никакая речь. Зря только распиналась и надеялась.

– Хватит! – рявкает, когда я сжимаю края свитера, и с силой отбрасывает мои руки. – Достала! – грубо орёт и смотрит так, что мне кажется, он меня ударит.

Плевать! Пусть избивает, но я буду бороться, даже если шансов перед ним у меня нет, буду бороться. Где-то чита-

ла откровения девушки, которая пережила изнасилование, и она говорила, что чем меньше сопротивляешься, тем больше шансов, что это пройдёт быстро и менее болезненно. Физически, конечно, душевно от такого сложно оправиться в короткие сроки.

– Прекрати, иначе я тебя вырублю, – всплывают в голове воспоминания. – Но тогда тебя поимеют все мои друзья, – сумасшедший взгляд и оскал буквально стоят перед глазами.

Треск ткани возвращает в реальность, и я осознаю, что это был бюстгальтер. От резкой смены температуры кожа покрывается крупными мурашками, а соски стягиваются в тугие горошины. Тут же поднимаю руки и прикрываюсь. Грозного не вижу, картинка расплывается от потока отчаянных слёз.

– Руки! – требовательно рычит, но я не реагирую, продолжая прижимать конечности к груди и тихо рыдать. – Упёртая, – хмыкает. – Такую приятнее подчинять, – с этими словами он хватает меня за талию и в два шага укладывает на прохладную поверхность стола.

Когда Грозный берётся за пояс брюк, предварительно растегнув пуговицу и молнию, я махаю ногами и пытаюсь отпихнуть его руками, забив на голую грудь.

– Не надо! – кричу сквозь слёзы. – Не трогай! Урод! Какой же ты урод! – рыдаю навзрыд.

– Всё верно, – соглашается, и не думая останавливаться, и через секунду я остаюсь в одних трусиках и носках.

– Пожалуйста, – икаю от бесконечного плача.

– Да прекрати ты, тебе понравится, – отвечает и, раздвинув мои ноги, накрывает рукой промежность поверх белой хлопковой ткани.

Наклоняется, впивается зубами в торчащий сосок, кусает и тут же зализывает языком. Мнёт вторую грудь рукой, продолжая шарить рукой по трусикам.

– Прошу, – слабо молю, теряя силы и надежду.

Он не слышит. Ему плевать. Вошёл в кураж. Не остановить уже.

Смириться? Не могу.

Продолжать бороться? Нет смысла.

Но я не сдаюсь, бью руками куда ни попадя, царапаю его, слыша недовольное шипение, однако всё бесполезно. Мелодию звонка слышу, словно где-то за толстым стеклом. Раз, второй, третий... телефон звонит без остановки.

– Твою мать! – рычит Грозный, упираясь лбом между моих грудей. – Потерпи минуту, – говорит таким тоном, будто я и не сопротивлялась последние полчаса.

– Пошёл к чёрту! – бросаю, всхлипывая и прикрываясь руками, когда он избавляет меня от тяжести своего тела.

Можно было и прикусить себе язык, но зачем, мне уже не спастись, какой смысл церемониться.

– Что, блядь, тебе надо? – раздаётся его разъярённый голос. – Какого хрена трезвонишь? – спрашивает и на минуту замолкает, видимо, слушая собеседника.

Пользуясь случаем, спускаюсь со стола и тихо собираю

свои вещи. Бюстгальтер уже непригоден для жизни, но, слава богу, свитер цел, его первым делом и надеваю.

– А ну брось! – рывкает, и, вздрогнув, я на автомате поднимаю руки, и джинсы падают обратно на пол.

«Чтобы ты сдох», – думаю, сверля его гневным взглядом, и снова тянусь за брюками, когда Грозный отворачивается и смотрит в пустоту.

– Какая передозировка? Кто осмелился? – задаёт вопросы, хмурится, кулаки сжимает.

А я только сейчас замечаю, что он успел одновременно меня раздеть и сам избавиться от верха и почти что от низа. Стоит с голым торсом и спущенными до колен боксерами.

«Боже, Аля, отвернись сейчас же!» – кричит здравый смысл, когда глаза находят его стоящий колом член с бордовой головкой и вздутыми венами по всей длине.

«Он же меня порвёт», – делаю выводы, так и не перестав пялиться на детородный орган парня.

– Я его убью, – цедит сквозь зубы, возвращая меня на землю. – Откачаю и сам прикончу, – добавляет, и я вижу того, кто зверски избивал врача на полу кабинета.

Он может, уверена, что с лёгкостью изобьёт до смерти любого.

– Так, Хрустальная, придётся перенести наш трах на несколько часов, – отключив звонок, он поворачивается ко мне.

– Лучше отменить насовсем, – бурчу под нос.

– И не мечтай, – бросает и натягивает штаны обратно, но притормаживает и под моим взглядом берётся за свой член и проводит рукой назад-вперёд. – Хотя куда я с таким стоячком, – задумчиво проговаривает и делает шаг ко мне. – Иди сюда, покажу, как тебе лучше твоим рабочим ртом пользоваться.

6.4

Аля

Я было открыла рот, чтобы закричать, но очередной телефонный звонок спасает меня.

– Да твою же... – Грозный сыплет грязными ругательствами, отвернувшись, наконец одевается, и я выдыхаю с облегчением.

Не желая терять времени, мигом натягиваю на себя брюки и под дикий ор парня упаковываюсь и в пуховик. Боже, спасибо тому, кто так настырно звонил и спас меня от этого отморозка.

Дура наивная, решила, что можно его заболтать, надеясь на его адекватность, договориться думала, ведь даже с террористами это возможно, но Грозный... он в разы хуже Ромы.

– Буду через полчаса, и не надо выводить меня из себя, – последнее, что он говорит спокойно, но звучит это как угроза.

Парень со злостью бросает телефон на стол и выдыхает, будто всю ночь вагоны разгружал. Поворачивается ко мне, окидывает взглядом с головы до ног и вопросительно выгибает брови.

– Куда намылилась, Хрустальная? – голос ровный, но столько стали в нём, что ноги подкашиваются.

Он зол. Не знаю, кто ему звонил и что сказал, но столько гнева в его глазах я не видела даже тогда, когда он избивал того врача.

– Чего молчишь? – наклоняет голову набок, напоминая маньяка из триллеров.

А я словно язык проглотила, слишком много эмоций и переживаний. Последнее время я всегда хожу и оглядываюсь, и если по пути сюда от злости я плевалась ядом, то сейчас мне страшно. Хищнику надоело играть с едой, несколько минут назад он показал мне, на что способен. И мне страшно, вдруг он так разозлится, что поступит со мной так же, как с бедным доктором? Я уверена, что он может.

– Мне некогда, – резко разворачивается и подхватывает с пола свой свитер. – Мой тебе совет, Хрустальная, – продолжает и идёт на меня. – Не строй из себя целку, ты своими сопротивлениями, только сильнее распаляешь, – проговаривает в губы, сжав мои скулы до боли. – Приведи себя в порядок до моего возвращения, – отталкивает, словно я в грязи испачкана, и отходит.

– Что? – обретаю дар речи. – Ты... ведь не оставишь...

– Оставляю, – перебивает, зацепив косуху. – Я сегодня закрою к херам этот гештальт или придушу тебя, чтобы из головы выкинуть, – отвечает слишком серьёзным тоном, чтобы было похоже на запугивание. – Ты ещё так молода, тебе жить да жить, – хмыкает и покидает квартиру, пока я стою в ступоре.

Прихожу в себя, когда слышу, как щёлкают замки, оповещающая о том, что меня здесь заперли. Срываюсь с места в тот же момент и принимаюсь яростно дёргать ручку, колотить по двери с криком о помощи, но всё без толку, и несколько минут спустя я сдаюсь. Прислоняюсь к стене рядом и сползаю на пол, зарывав как ребёнок.

Бывает, что читаешь какой-нибудь современный роман, где герой положил глаз на героиню. Где он ведёт себя как скотина, преследует её, пока она бежит, словно оленёнок от опытного охотника. Читаешь и думаешь: «Вот это любовь!», пристыжаешь героиню, мол, чего ты бегаешь, он ведь влюбился. Но в реальной жизни это ведь далеко не так красиво. Какой-то урод решает, что ты должна упасть у его ног по щелчку пальцев, а когда этого не происходит, ты попадаешь в ад. Потому что у него вот это «хочу», и ему плевать на всё.

Это страшно!

Тебя похищают, приводят в чужой дом и прямым текстом говорят, зачем тебя сюда привели. Это просто прихоть зажавшегося мажора, а ты потом собирай себя по кускам, в буквальном смысле. Грозный опасен, об этом в нём кричит

всё, да и своими глазами видела, как он без повода сначала ударил охранника, а потом избил до полусмерти мужчину. При желании он легко может взять своё, придушить и выбросить где-нибудь за городом, и ему ничего не будет, даже совесть не замучает.

Не знаю, сколько я сижу на полу, захлёбываясь слезами и думая о своей приближающейся смерти. Ведь я буду мертва в любом случае, придушит или нет, но если возьмёт силой, разве это не такая же смерть? Мне ли не знать, как это больно, не столько физически, сколько душевно. Как сложно потом жить с этим и не показывать миру, какая ты сломанная, что ты просто оболочка, а внутри тебя пустота.

Не хочу! Не могу снова через это пройти.

Когда задремала, не знаю, видимо, пережитые события, печальные мысли и страшные воспоминания вытянули все силы из меня, и я просто отключилась.

Снилась мне та ночь, которая разделила мою жизнь на до и после. Страшные картины прошлого, где я боролась и жалобно кричала «Не надо, Рома, пожалуйста!» Тот балкон второго этажа с выцветшими голубыми перилами и спасительный куст внизу. Холодный асфальт под босыми ногами, расплывающаяся дорога и мысли, что он догонит и убьёт, чтобы я никогда не заговорила.

И вот... поганные руки обвиваются вокруг моей талии, а в голове только одна мысль – спастись.

«Не трогай! Отпусти!» – рыдаю в голос.

«Пожалуйста, я не выдержу ещё раз» – умоляла, борясь и царапаясь в попытке освободиться.

«Лучше убей, только не трогай» – просила, искренне желая умереть и не испытать это снова.

– Что за херню ты несёшь, Хрустальная? – ворвался в мой сон Грозный, превращая его в худший кошмар.

Глава 7 Что ты скрываешь, Хрустальная?

Мой зверь, спит и видит, как бы трахнуть эту девочку, чтобы она посыпалась, как перемолотый хрусталь

Грозный

Еду в общагу, забив на правила дорожного движения, и не потому что тороплюсь, а потому что не терпится этому идиоту малолетнему надавать по роже за прерывание сладкого занятия.

Правда какой-то осадок внутри, не вставляет меня, как яростно она сопротивляется. Словно и в самом деле не по кайфу, но разве такое может быть.

А с другой стороны, слишком долго Хрустальная корчит из себя недотрогу, не похоже на тупую игру по прибавлению себе веса. Однако, я учуял, как она задрожала, когда подошёл к ней у окна и озвучил свои мысли. Стоило увидеть её, стоящую там, так заморожённо смотрящую на открывшийся перед ней вид, и картинка прижатого к толстому стеклу голого тела всплыла перед глазами мгновенно. Чуть в штаны не кончил, представив, как я вдавливаю в неё сзади, а голые сиськи скользят по холодной, гладкой поверхности.

И ведь поддалась ощущению, почувствовал это отчетли-

во. Сама воспроизвела мои слова в мыслях и увидела ту же картину. Но быстро справилась и давай снова корчить из себя святую.

Взбесила своей тирадой, чушь какую-то несла, только уши завяли. Я привёл её для конкретной цели, а она мне херню несёт. Задолбался играть в её постановке, член болезненно ныл, штаны рвал. Церемониться вообще не привык, и так слишком много времени на неё трачу.

И поплыл как пацан, едва сорвал с неё лиф. Кровь прилила к паху, и мозг отключился, на автомате что-то отвечал, сейчас хрен вспомню, что. Не видел ничего, кроме своего желания оказаться наконец между длинных ножек. Оставалось каких-то пару минут, и я бы избавил себя от мучений. Эта мысль поднимает во мне новую волну дикой ярости, я сейчас должен был трахать хрустальную девочку, а не возиться с малолетними торчками.

Когда паркуюсь у входа в общагу, я готов рвать на куски всех, кто попадётся на моём пути. Выхожу из тачки и хлопаю дверью так, что стёкла дребезжат. Поднимаюсь по ступенькам и захожу в холл, где наматывает круги Лохматый. Не колеблясь и секунды, подхожу к нему и с размаху въёбываю по роже.

– Где он? – рычу, схватив за горло.

– Грозный, – хрипит парень. – Я бы не стал тебя тревожить, но ты велел сообщать о любых происшествиях...

– Где он, я спрашиваю, – рявкаю на него, встряхивая.

– У медички, – отвечает и вытирает кровь с подбородка, когда я отпускаю его.

– Не смей дёргаться с места, – бросаю через плечо, направляясь в медблок.

– Дава, – встаёт на моём пути Макс. – Давай без жести, он просто тупой малолетний пацан.

– Отойди! – цежу сквозь зубы.

– Они слабые, гонятся за крутостью, вспомни себя в пятнадцать, – не унимается друг.

– В пятнадцать я спал на улице и зарабатывал себе на жизнь, ты прекрасно это знаешь, – напоминаю ему о тех временах, испепеляя взглядом.

– Дав...

– Убивать не буду, – перебиваю и, оттолкнув, шагаю вперёд.

Распахиваю дверь медкабинета и захожу в помещение. Виновник испорченного вечера лежит на кушетке под капельницей и весь подбирается, когда видит меня.

– Вышла! – приказываю Наташе, и та со вздохом поднимается на ноги.

– Капельницу не трогать, – ровным тоном говорит и удаляется.

Привыкла ко мне и моим воспитательным «беседам». Знает, что перечить нельзя, это чревато последствиями. Право кидать мне ответки имеет Макс, только ему за это ничего не будет, и это знают все.

– Я виноват, – бормочет сипло пацан на кушетке и пытается отползти к стене.

– Не дёргайся! – обманчиво спокойно бросаю.

– Прости, пожалуйста, – голос дрожит, лицо бледное, глаза слезятся. – Я больше не буду, честное слово, – пищит, но его это не спасёт.

– Что я тебе сказал, когда сюда привёз? – спрашиваю, взяв стул и присев рядом с кушеткой. – Отвечай, – тороплю, когда он не спешит открывать рот.

– Прости...

– Отвечай, мать твою! – рявкаю на него.

– Здесь есть правила, за нарушение которых мне придётся отвечать, – тараторит и шумно сглатывает.

– Верно, – киваю. – Дальше, – велю и прожигаю его взглядом.

Вижу, что боится, ещё немного, и позорно заплачет, но сдерживается, мужик ведь.

– Ты мне даёшь крышу над головой, еду, одежду, образование, – проговаривает, переводя взгляд на потолок.

– Так, и? – подначиваю продолжать.

– А я должен слушаться и не творить херню... – не успевает закончить, как вскрикивает от боли, когда я прокручиваю его пальцы ног. – Прости! Прости! Больше не буду выражаться, – восклицает, правильно поняв, за что ему сейчас было больно.

– Ты знаешь, что тебя ждёт? – спрашиваю, всё ещё сдер-

живая свой гнев под замком.

Макс прав, он всего лишь тупой малолетний пацан, который не даёт отчёта своим действиям.

– Карцер, – кивает и прикрывает глаза.

– А если это повторится?..

– Меня ждёт колония для несовершеннолетних, – отвечает.

– Это в лучшем случае, – добавляю и, поднявшись на ноги, выхожу из кабинета.

Макс просовывает голову и осматривает Егора, выдыхает, заметив, что пацан жив, на что я фыркаю.

– Наташа, приводишь его в норму и вручаешь Лохматому, – приказываю женщине, и та, кивнув, возвращается к рабочему месту. – Пошли, – говорю Макс, направляясь в холл.

– Удивил ты меня, – усмехается друг.

– Я должен был сломать нос пятнадцатилетнему ребёнку, когда его организм борется с наркотой? – смотрю на него вопросительно.

– Ты всё решаешь кулаками, – пожимает плечами.

– Иди нахрен, – выплёвываю и, присев на диван в холле, подзываю мнущегося с ноги на ногу Лохматого.

– Грозный, я не виноват, он сбежал...

– Закрой хлебальник и слушай, – устало вздыхаю. – Ты за них отвечаешь, и мне насрать на твои отмазки. Ждёшь, когда Наташа сделает свою работу, пацана в карцер, а ты в соседний. Усёк?

– Ты шутишь? – хмыкает, переводя взгляд с меня на Макса, ища поддержки.

Но Макс не лезет, знает, что я прав и что, если спустить с рук, потом и вовсе хрен удержишь. Слабину нельзя давать, иначе всё разрушится, а я не зря корячился столько лет.

– Похоже, что шучу? – смотрю на него, и Лохматый мотает головой. – И хвоста чтобы я не видел, – киваю на идиотскую причёску, за которую его и прозвали этим именем.

– Грозный, это уже перебор...

– Какой это по счёту прокол? – не даю ему договорить.

– Второй, – опускает голову, уверен, вспоминает давний разговор.

– Свободен, – жестом руки даю понять, чтобы свалил с глаз моих. – Позвони Тиму, скажи, чтобы вышел, – обращаюсь к Максиму. – Объясни, как он должен себя вести, чтобы не оказаться на месте Лохматого, – договариваю и встаю. – Я уехал, – жму другу руку и покидаю общагу.

Меня дома бунтарка ждёт, и этот вынужденный перерыв не утихомирил моего зверя, который спит и видит, как бы трахнуть эту девочку, чтобы она посыпалась, как перемолотый хрусталь.

7.2

Грозный

Вернувшись к дому, поднимаюсь на свой этаж в спешке,

а едва захожу в квартиру, замечаю валяющуюся на полу девочку. Укуталась в свой пуховик, к стене прислонилась и, вроде, спит, но лицо искажённое, по щекам опять чёртовы слёзы катятся. Что опять не так? Я её даже не трогал ещё. Слишком хрупкая, не выдержит она моего зверя. Но и похрен, с каких пор меня трогают чужие слёзы? Не волнуют вообще, и она – не исключение. Всего лишь девка, которую хочу трахнуть.

Так какого хрена вместо того, чтобы разбудить и взять своё, я так бережно, чтобы не потревожить её сон, поднимаю с пола и несу в спальню?

– Не трогай, – бормочет, головой качает, а глаза так и не открыла. – Отпусти!

Нет, ну что за херня?

Поперёк горла эта её театральщина уже. Отпустить бы её на все четыре стороны и переключиться. Смотраться в «Со-блазн», выбрать себе десять таких и выпустить наконец пар. Но не могу, мать вашу! Не могу, и всё тут. Тянет к ней нереально, как будто привязали, в голове беспрерывно бьёт: «моя». Я просто обязан трахнуть её, иначе не отпустит.

– Пожалуйста, я не выдержу ещё раз, – умоляет сонным голосом.

Ну что ты не выдержишь, я ничего ещё не сделал, а, между прочим, желание дикое, необузданное, неконтролируемое.

– Лучше убей, только не трогай, – припечатывает этой фразой, даже зависаю, так и не опустив её на кровать.

– Что за херню ты несёшь, Хрустальная? – хмурюсь, следя за её бледным лицом.

Дёргается от моего голоса, но не просыпается, а я ловлю себя на мысли, что в груди какое-то тепло от того, как она голову свою белокурую на моё плечо уложила. Вставляет этот жест похлеще алкоголя, и не с чем сравнить эти ощущения. Жуть как не люблю, когда я чего-то не понимаю, а сейчас я не врубаюсь, какого хера такая реакция.

Укладываю Хрустальную на кровать и избавляю от видавшего виды пуховика. Пару секунд размышляю над тем, что бы раздеть её полностью, но решаю, что это плохая идея. Не сдержусь ведь, трахну её спящую.

Ещё одна лабуда, которая не поддаётся логическому объяснению. Обычно я сижу, раскинув ноги, а шлюхи меня убаживают, и нет желания наброситься на них, как на эту хрупкую девицу.

– Ром... – всхлипывает, заставляя развернуться на полпути к выходу. – Не надо, прошу, – скулит и сворачивается на кровати.

Это уже не смешно нихера. Что она несёт? Какой, к хрену, Рома, и что он не должен делать?

Какого-то чёрта возвращаюсь к койке и накрываю мелко дрожащее тело пледом. Нависаю над ней долго, всматриваюсь в лицо и пытаюсь вдуплить, что в ней такого, но, так и не догнав, покидаю спальню и закрываю дверь.

Подхожу к шкафу с бухлом и, налив себе порцию шот-

ландского, залпом выпиваю. Не по кайфу мне всё это. Какого дьявола она мне сдалась? С какого хрена я не могу выкинуть её из головы? В свою кровать уложил, пледом укрыл... да в той койке вообще никого не было, кроме меня. Для перепихона у меня другая комната, я ценю своё место отдыха и не таскаю туда всякую шваль.

От мыслей отвлекает звонящий телефон, и, достав его из кармана, я закатываю глаза и устало вздыхаю. Ему-то что надо?!

– Да, – отвечаю, подойдя к бутылке на столе и плеснув себе ещё.

– Ты обещал быть на ужине, – с ходу заявляет недовольным тоном.

– А ты обещал матери любовь до гроба, – отвечаю и отправляю в глотку обжигающее нутро пойло.

– Не начинай, – рычит в трубку, хотя знает, что на меня это не имеет никакого эффекта. – Мила старалась...

– Отсосать тебе, чтобы хорошо жить? – усмехаюсь, перебивая его.

– Ты совсем охренел? – уже орёт во весь голос.

– Весь в тебя, – киваю, словно он может видеть. – Короче, не порти себе и своей суженой вечер. Я не приеду, у меня дела поважнее, – говорю серьёзным тоном и отключаюсь до того, как он выскажет мне то, что я уже неоднократно слышал.

Знаю, что веду себя как конченный мудак, но так назы-

ваемый отец получает то, что заслужил. Не могу себя заставить поменять к нему отношение. Конечно, сейчас оно лучше, чем лет десять назад, но идиллии у нас никогда не будет. Я не прощу ему смерть матери и мои ночёвки под мостом с бомжами, пока он сидел на золотом толчке.

Набираю Толя и подхожу к окну, вглядываясь в чёрное небо, покрытое тучами, на стекло падают первые капли дождя, и в памяти всплывают не самые приятные воспоминания. Ненавижу дождь с пятнадцати лет, когда шёл по кладбищу за гробом...

– Грозный? – вырывает из мыслей хриплый голос.

– Здорово, помощь нужна, – с ходу заявляю.

– Излагай, – хмыкает, и я прямо представляю его рожу с этой блядской улыбкой.

Разбил бы её с удовольствием, но Саша Толь профессионал своего дела, и только это его спасает.

– Некоторое время назад я просил выяснить всё, что есть на девушку...

– Алёнушка, – вставляет.

– Она, – подтверждаю и продолжаю. – Кажется, ты хреново свою работу выполнил.

– Это невозможно, – говорит ровным тоном, но я слышу, как он выдыхает и сразу закашливается, опять курит.

– В общем, найди какого-то Рому, который как-то с ней связан, и срочно, – озвучиваю главную цель своего звонка.

– Ладно, – бросает и затягивается. – Как только, так сра-

зу, – добавляет и отключается.

Что ты скрываешь, Хрустальная?

Глава 8 Легко отделалась

Даже с бездомной собакой обходятся куда лучше.

Аля

Просыпаюсь медленно, на удивление чувствуя себя отдохнувшей. Потягиваюсь на кровати, ещё не открыв глаза, и тут понимаю, что матрас подо мной уж больно мягкий. Общежитие у нас, конечно, с хорошим ремонтом и добротной мебелью, но моя кровать точно не настолько удобна.

Воспоминание обрушивается на меня резко, словно гранитная плита припечатывает к земле. Я в логове зверя, плачу на полу у двери, осознавая отсутствие выхода из квартиры и, собственно, из данной ситуации.

Открывать глаза и сталкиваться с реальностью нет никакого желания. Честно, предпочитаю нырнуть в небытие, не чувствовать и не видеть ничего. Но это будет большой роскошью для меня. И где я так согрешила, что мне послали в наказание этого мудака?

Ощупываю своё тело под пушистым пледом и выдыхаю с облегчением, обнаружив себя в одежде. Вряд ли я бы не проснулась, если бы меня насильовали, но он мог что-нибудь мне вколоть, чтобы я меньше сопротивлялась. Я ничему не удивлюсь, этот Грозный явно способен на всё, что угодно.

Как я вообще умудрилась заснуть? И вроде сидела в хол-

ле, у входной двери. Неужто сам Грозный перенёс меня на кровать? Возможно, кому-то это польстило бы, или этот жест был бы первым признаком, что парень не совсем плохой. Но, как по мне, лучше бы оставил на полу и не трогал своими грязными руками.

– Проснулась, Хрустальная? – раздаётся прокуренный голос, и я, с криком подпрыгнув на кровати, сажусь и прижимаюсь к изголовью. – Вижу, что да, – усмехается, встав посередине, как солдат, ожидающий приказа напасть.

Окинув меня насмешливым взглядом, он делает шаг вперёд, что-то нажимает на небольшом экране, встроенном в стену, и прямо перед моим взором шторы бесшумно начинают расходиться в разные стороны. И я снова забываю обо всём, когда напротив кровати простирается город, а над зданиями появляются лучи солнца. Неопишуемая красота.

Когда я достигну своих целей, обязательно куплю себе квартиру с панорамными окнами, чтобы по утрам, лёжа на кровати, ощущать, что ты паришь над облаками.

– Если закончила пляиться, собирайся, – вырывает из мыслей и портит всю атмосферу.

Он даже вид из окна может испоганить.

– Куда? – спрашиваю и собственный голос не узнаю. Пискляво-сиплый, с нотками страха. – Я не хочу никуда с тобой ехать...

– Как хорошо, что я и не собирался тебя никуда везти, – устало бросает и выходит из спальни.

Оставшись в полном ступоре, я уставилась в одну точку и пытаюсь понять, что происходит. Но, как показывает практика, этот урод непредсказуем, и никогда не поймёшь, что в его голове.

Не желая испытывать судьбу и надеясь на свободу, я быстро вскакиваю с кровати, поправляю бельё и аккуратно складываю плед. Так меня учили и воспитывали, как говорил папа, это минутное дело, и я не могу оставить после себя неприбранную кровать. Перед выходом из спальни я глубоко вдыхаю и мысленно молюсь, чтобы меня отпустили. Повторения вчерашней сцены я просто не перенесу, очередная истерика может вылиться в настоящую трагедию для меня.

– Хрустальная, – раздаётся за дверью, и через мгновение она распахивается, заставляя меня отпрыгнуть назад. – Швели булками, у меня дел до хуя, – грубо хватает за локоть и выволакивает из комнаты.

– Пусти, – слабо требую, но он не реагирует, несясь к винтовой лестнице. – Мне больно, – добавляю чуть громче, и Грозный резко тормозит.

– Больно? – спрашивает, словно не верит. – От чего тебе, Хрустальная, больно? – цедит сквозь зубы, нависая над мной как скала.

– Убери руку, – едва слышно произношу и сглатываю ком в горле.

Хочется плакать, как вчера разрыдаться, реветь в голос, будто маленький ребёнок. Я понимаю, что виновата, ударила

его по самому дороговому, но сколько можно издеваться надо мной? Вчера обращался со мной как со шлюхой, сегодня как с надоедливой мухой. Словно я какое-то ничтожество, с которым он вынужден возиться.

– Бледная как смерть, – бросает, осматривая моё лицо. – Трясёшься, рыдаешь, орёшь как резаная, – ощущение, что это его мысли в слух. – Что с тобой не так?

– Если я не хочу ложиться под тебя, значит, со мной что-то не так? – удивлённо смотрю на него.

– Очевидно, – отвечает, чем только усиливает моё негодование. – От чего тебе больно, Хрустальная? – повторяет свой вопрос, и что-то мне подсказывает, что в нём какой-то скрытый смысл.

– От твоей хватки, – опускаю глаза на локоть, который всё ещё в плену его огромной лапы.

– Херню какую-то несёшь, – продолжает, не обратив внимание на мой ответ.

Грозный долго всматривается в моё лицо, что-то ищет в моих глазах, но кроме непонимания, там ничего нет. Потому что я правда не могу разобрать обрывки его фраз.

– Ладно, насрать, – выныривает из оцепенения и подталкивает к лестнице. – Заебало с тобой таскаться, – слышу в спину. – Такси ждёт внизу, вали на все четыре стороны, – добавляет, оставшись стоять наверху.

Я, конечно, безумно рада, что он отпускает, но совру, если скажу, что его слова не обидны. Ведёт себя так, будто я

таскаюсь за ним, прохода не даю и требую любви, семьи и кучи детей. В гробу я видала хоть что-то похожее. Видеть его не хочу. Никогда! Но всё равно обидно, когда тебя вот так выгоняют. Даже с бездомной собакой обходятся куда лучше.

Ох, не о том ты, Аля, размышляешь. Уноси отсюда ноги и радуйся, что так легко отделалась.

Пулей вылетаю из квартиры, на лифте спускаюсь вниз и, юркнув в жёлтое такси, выдыхаю. Однако ожидаемого облегчения нет, однажды он меня уже отпустил, но быстро объявился вновь.

Не знаю, может, это интуиция или просто страх, но не верю я, что он так легко отпустит. И не зря.

8.2

Аля

Когда подъезжаем к общежитию, водитель сообщает, что поездка оплачена. Коротко попрощавшись, выхожу из машины, смотря по сторонам. Всю дорогу косилась назад в поисках знакомого автомобиля, трясясь, как лист на ветру, что это всё часть игры в догонялки. Паранойя разыгрывается не на шутку, вряд ли он так легко отпустил. Вчера он выглядел очень решительным, и я уже не верила в спасение. Спасибо тому, кто звонил, кто устроил ему проблемы, и он сорвался из дома.

Конечно, удивительно, что он отнёс меня в постель, не

разбудил, чтобы закончить начатое. Плодом накрыл... очень противоречивые действия. То он набрасывается на меня как маньяк, то бережно укладывает и даёт поспать.

– Доброе утро, Тамара Васильевна, – здороваюсь с вахтёршей, когда захожу в общежитие.

– Алёнушка, откуда в такую рань? – смотрит на меня с прищуром. – Не видела, чтобы ты выходила.

– Я у подруги ночевала, – вру и глаза прячу.

– Выглядишь погано, – как всегда, женщина говорит всё в лицо.

– Устала, – вымучено улыбаюсь и быстро ухожу к лифту.

Прислоняюсь к холодной стене и прикрываю глаза. Чувство тревожности не отпускает, не верю я в эту свободу и что так легко отделалась. Что могло измениться за ночь? Грозный точно не собирался отставать и притуплять свои хотелки. И вдруг «уходи, Аля». Нет, здесь что-то не чисто.

Одна надежда – сегодня уезжаю. Есть шанс, что за время каникул он обо мне забудет, переключится на другую. Не то чтобы я хотела такой же участи какой-нибудь девушке, но не все же идут в отказ, как я. У меня свои тараканы в голове.

Да, он привлекательный парень, но только внешне. Вообще, если увидеть его где-то на улице, никогда в жизни не подумаешь, что он такой отморозок. Что способен отмутузить человека до полусмерти или насиловать девушек. Внешность у него, как у героев любовных фильмов. Но только лицо, всё остальное... походка хищника, манеры уголов-

ника, быдловатая речь и жестокость.

Вздрагиваю, когда лифт издаёт короткий звук, оповещающий о том, что я прибыла на нужный этаж. Створки разъезжаются, и я выхожу в тихий коридор. Обычно у нас шумно, из всех комнат раздаются разные звуки, но большинство уже уехало по домам. Подхожу к своей комнате, толкаю незапертую дверь и чуть не спотыкаюсь о стоящий на полу чемодан.

– Ой, прости, – расплывается в улыбке Ирина.

– Ничего, – дёргаю уголки губ в подобии улыбки.

– Я думала, ты уехала уже, – произносит и завязывает узел на коротком красном шёлковом халате.

– Поезд вечером, я говорила, – отвечаю и плюхаюсь на свою кровать.

Да, у Грозного она мягче.

– Точно, – прокашливается и принимается спешно собирать вещи с пола.

И только сейчас до меня доносятся звуки льющейся за дверью ванной воды, и я замечаю мужские вещи в комнате. Очень большой плюс нашего частного университета – это общежитие, где в комнатах есть все удобства. Конечно, очень скромно, но небольшая кухня из двух шкафов, маленький холодильник и электрическая плита с двумя конфорками лучше, чем ничего. Как и собственная ванная комната три на три, оборудованная всем необходимым.

– Наверное, прогуляюсь... – вздыхаю, но едва договариваю, в комнате появляется парень в одних брюках и с поло-

тенцем вокруг шеи. Моим полотенцем, к слову.

– О, ещё одна, – скалится в мерзкой улыбке... мужчина, он явно старше нас лет на десять. – Я, в принципе, могу задержаться, – проговаривает и смотрит на запястье, где крадутся недешёвые часы.

– Нет, тебе пора, – выпаливает Ира и вручает «гостю» его вещи.

Тот собирается что-то ещё сказать, но я вскакиваю и вылетаю из комнаты. Хватит с меня уродов, вообще начну ненавидеть мужской пол и в монастырь уйду, подальше от этого вида.

Иду по коридору до самого конца и останавливаюсь у окна. Забираюсь на подоконник и буравлю пустое помещение в ожидании, когда наша дверь откроется и незнакомец покинет комнату.

Я, конечно, никого не осуждаю, но мне не нравится, когда чужая жизнь касается меня. А «досуг» моей соседки непосредственно связан со мной. Делает она это не так уж и часто, но бывают такие дни, когда мне приходится сталкиваться с незнакомыми мужчинами в своей комнате.

Лично я не могу утверждать, но по общежитию ходят слухи, что Ирина занимается сексом за деньги. На самом деле я не верила, и до сих пор сложно в это поверить. Её подселили ко мне в этом году, и за эти пять месяцев она показалась мне хорошей и воспитанной девушкой. В нашей комнате всегда порядок, она часто сидит за учебниками, да и готовит у нас

она чаще, чем я.

Когда я начала замечать, что она срывается куда-то поздно вечером, перед этим тщательно готовясь, предположила, что у неё есть парень и она просто идёт на свидание. Но иногда она просила меня задержаться в универе или прогуляться. Мне не сложно провести час в библиотеке или выпить кофе с Ташей и Евой, но бывали случаи, что я возвращалась раньше и каждый раз находила в комнате разных парней. Не стала ничего спрашивать, потому что самой неловко, но придётся поговорить. Мне неприятно, что в нашей комнате проходной двор и она занимается подобными вещами там, где я живу.

От мыслей отвлекает открывшаяся дверь и удаляющиеся шаги. Не двигаюсь с места, ожидая, пока парень зайдёт в лифт. Вздрагиваю, когда он поворачивает голову и пристально осматривает меня. Подмигнув и оскалившись, он наконец скрывается за створками, а я выдыхаю с облегчением.

Спрыгиваю с подоконника и решительно направляюсь в комнату, намереваясь поставить вопрос ребром. Однако, едва касаюсь ручки, дверь распаивается, и выходит уже одетая Ирина.

– Нам стоит кое-что обсудить, – говорю девушке.

– Конечно, но давай позже, я опаздываю, – быстро тараторит, поправляя шарф вокруг шеи.

– Я уезжаю сегодня, – кричу уже вслед.

– Успеем, – бросает через плечо и сворачивает на лестницу.

Но ничего мы не успели. Ирина не вернулась до моего ухода, и вопрос остался висеть в воздухе. Если бы я знала, чем это обернётся, я бы задержала её и настояла на разговоре.

Глава 9 Приятное с полезным

Вот это я удачно зашёл

Грозный

«Вали на все четыре стороны», – последнее, что я ей сказал, и столько обиды в невинных глазах увидел, что третий день не вытравить из головы. Сама ведь хотела, чтобы отпустил, так какого хера надулась? Нахрена так на меня смотреть?

А какого чёрта выгнал? Да заебался я. Всю ночь в потолок плевал, обдумывал, воспроизводил, и мне не зашло. За все мои двадцать семь лет ни одна тёлка так не орала. Нет, они орали, конечно, но от кайфа, а не до того, как я им вставляю.

Не притворялась – сделал я вывод. Не ломаются так долго, да и не играют так натурально, чтобы даже во сне трястись и отбиваться.

Не нужна мне эта возня, вот и выгнал. Да хуй помогло, из дома вытравил, а из головы – чёрта с два. И не найду внятного объяснения, какого хера эта пигалица не выветривается, будто наркотик, который, раз попав в кровь, требует ещё дозы.

Запах этот преследует повсюду, глаза эти серо-голубые мерещатся, а руки током бьёт, помнят жар мягкого тела. Что

прикажете делать? Трахнуть надо, и всё пройдёт, но она в отказ, прям как целка какая-то. Силой взять, повыёбывается в начале, потом сама на моём члене прыгать будет. Но не в моей привычке девок насиловать, это вообще мерзко, руки бы сломать таким уродам.

Да, переборщил маленько тогда, но, блядь, унесло меня. Я, как с ней столкнулся в клубе, ни о ком думать не могу. Не тянет пока совать член куда попало. Можно наведаться в бордель к отцу, но не вставляет пока такой исход.

Её хочу! Хрустальную девочку с серо-голубыми глазами.

А это её «Ром, не надо, прошу» крутится на повторе, как заезженная пластинка. И Толь молчит пока что, чем выбешивает и вызывает желание выбить ему зубы.

В общем, вывод простой – либо забиваю на существование хрустальной куклы, либо действую другими, совершенно не свойственными мне методами.

Вариант первый самый логичный, и надо придерживаться его. У меня дела, бизнес, клуб этот ещё на мою голову, нахрен я вообще его забрал, мороки себе добавил. Отец со своими попытками сделать из нас семью, мать его, и ещё до хрена сколько всего. Нахер мне эта тёлка с её психами? Да не сдалась она мне. На хер бы посадить... чёрт, надо переключиться... и в самое ближайшее время. Шлюх вагон, надо просто потрахаться, яйца опустошить, и всё заебись будет.

– Как же ты меня достал, – раздаётся шумный вздох сбоку.

– Что? – выныривая из мыслей, уставился на друга, кото-

рый мне больше семья, чем собственный отец.

– Я пол грёбанных часа тут распинаясь, но всё равно что со стеной разговариваю, – отвечает и, прикрыв глаза, откидывает голову на спинку дивана.

– Не нуди, – толкаю его в плечо и, встав на ноги, иду к двери. – Скажи, чтобы кофе нам принесли, – приказываю охраннику и возвращаюсь к Максy. – Что ты там рассказывал? – смотрю на него, весь внимание.

– Говорю, что крыса у нас завелась, самые лучшие тачки уходят к конкурентам, – с раздражением выпаливает.

– Вот как, – хмыкаю и с минуту обдумываю его слова.

Крыса – это, конечно, хреново, но не так, как мои яйца, которые скоро лопнут от напряжения. Нет смысла тянуть, нужно избавиться от наваждения, тогда и мозг работать лучше будет.

– Ты куда? – выкатывает глаза на меня друг.

– В бордель, – коротко отвечаю и иду к столу, чтобы забрать свой телефон и ключи от тачки.

– Ты в себе? – Макс хватается за плечо и разворачивает. – У нас могут быть большие проблемы, а ты к шлюхам?

– Если я не спущу, проблем будет ещё больше, – ровно отвечаю и сбрасываю его конечность с себя.

– Окей, – друг поднимает руки в сдающемся жесте, знает, что не стоит время попусту тратить. – Давай я тебе сюда вызову девку, быстро тебе отсосёт и свалит, по времени меньше выйдет, чем тащиться в бордель, – проговаривает и кому-то

чиркает сообщение.

– Какой сервис, – ухмыляюсь. – Девка нормальная, или я завтра чесаться начну? – задаю вопрос и, сев обратно на диван, вытягиваю ноги.

– Нормальная, студентка престижного Института организации и общественности, – припечатывает своим ответом.

В этом же вузе учится Хрустальная.

– Как зовут? – спрашиваю и дыхание задерживаю.

Это вряд ли она, но воспалённый мозг подкидывает не самые умные мысли.

– Ирина, – бросает и что-то читает в телефоне. – Ну вот, будет через полчаса, – добавляет, довольный собой.

– И где ты её нашёл? – интересуюсь лениво.

– На сайте самозанятых, – усмехается, плюхаясь рядом. – Девка чистая, хорошая, – пожимает плечами. – Правда, живёт в общежитии, но я ощутил себя студентом, – говорит и ржёт как конь.

– Она что, принимает клиентов в общежитии? – хмурюсь непонимающе.

– Ну, знаешь, не у всех есть рабочее место, – и снова разрывается хохотом. – А для женатиков, которые жадничают бабло на гостиницу, это вообще огонь варик.

– Отмени, – бросаю и встаю на ноги.

– Ты охерел? – не понимает Макс.

– Напиши, чтобы не ехала, я сам поеду, – с этими словами я покидаю кабинет и направляюсь к выходу.

Я ведь знаю, куда ехать, но ещё не знаю, какая продуктивная поездка получится.

9.2

Грозный

После проклятого знакомства с Хрустальной я стал действовать нелогично, глупо, необдуманно. Собственно, как и сейчас. Какого хера я еду в этот клоповник?

Знаю, конечно, зачем – «Ром, не надо». Вдруг в этой общаге и живёт этот Рома, или там я узнаю, где его найти и кто он такой. А нахуя мне эта информация? Вот фиг поймешь. Говорю же – нет логики. Отключилась к чертям собачим вместе с мозгом, из которого медленно вытекает ликвор.

Ну, если по существу, что мне от полученной информации? Что делать буду? Потрясу этого мудака за грудки? В морду дам? А зачем? От этого Хрустальная перестанет ломаться? Сомневаюсь.

Так, слишком много вопросов, слишком много возни, мороки и проблем из-за одной ничего не значащей девки. А такая ли она уж и не значащая? Когда я ещё так много кругов вокруг одной наматывал? Вообще никогда в жизни больше одного раза не то что не трахал, я их не видел больше. Ну как, были особо настойчивые, которые «по случайным стечениям обстоятельств» оказывались в местах, где я отдыхал. Или тащились прямой дорогой, чтобы обвинить меня в несе-

рьёзности, клясться в любви с первого стога и орать, какой я мудака. Однако им эти хитрости не особо помогали. Не во-
жусь с теми, кого уже поимел, неинтересно. Это как использо-
ванную резинку по новой юзать.

Я сам с себя охереваю, сколько недель в кулак спускаю,
думая только о Хрустальной. Это за рамками даже для отби-
того меня. Раз припёрся сюда, потрахаюсь, яйца опустошу, и
одной проблемой станет меньше. Ну а если вдобавок получу
ценную инфу, будет неплохо.

Паркуюсь у ворот общаги и звоню Максy.

– Что? Уже всё? – с ходу спрашивает друг и ржёт.

– Смешно, – фыркаю. – Я на месте, – коротко говорю и
отключаюсь, выходя из тачки и направляясь к ступенькам
высокого здания.

В прошлые мои походы к этому месту не обращал внима-
ния, а сейчас отмечаю, что снаружи выглядит прилично, на
клоповник не тянет, а я знаю, о чём говорю.

– Привет, – на крыльце появляется девка с чёрными ко-
роткими волосами в длинном плаще. – Ты Давид? – расплы-
вается в улыбке, оценивая меня взглядом.

– Он, – едва киваю, поднимаясь к ней.

В нос проникает запах корицы и буквально простреливает
мозг. Они здесь что, все душатся одними духами?

– Деньги вперёд, – говорит девка, что на голову ниже ме-
ня.

– За что? – хмыкаю, осматривая это недоразумение.

Вроде стройная, сиськи явно больше, чем у Хрустальной, задница внушительная, губы... вареники, а на лице слой штукатурки, вечерами наверняка лопатой отдирает. Нет, так ходят все бабы, особенно в местах, где я кручусь, но вот сейчас меня нихрена не вставляет. Хоть смой с неё всё и раком поставь, чтобы не видеть и другую представить.

– Как? За... – мнётся, мямлит, дрожит, но это от холода, мороз на улице как-никак.

– Я ещё ничего не получил, за что мне тебе платить? – наклоняюсь к её лицу, но чёртов запах сбивает.

– Давай тогда половину или уходи, – уверено заявляет, но по глазам вижу, что нет там никакой уверенности.

– Ладно, шлюх в городе полно, – веду плечом и разворачиваюсь, чтобы спуститься вниз.

– Стой! – кричит, едва я пару шагов делаю. – Мне нужно заплатить комендантше, а у меня нет, – а вот это звучит честно.

– Окей, – развожу руками и возвращаюсь к двери. – Сколько? – лезу в карман за кошельком.

Девка называет сумму, и мы заходим в общежитие, она просовывает в окно деньги тучной женщине, пока та осматривает меня с головы до ног, точно сканер. Ухмыляюсь, когда тётка мотает головой, и шагаю к лифту за шлюхой. Не могу не отметить, что внутри здание так же выглядит нормально. Вроде институт не государственный, если меня память не подводит, отсюда и ремонт годный, и даже лифт.

Пока поднимаемся на третий этаж, отмечаю, что черно-волосая не особо горит желанием трахаться, собственно, я тоже, но приехал ведь и даже заплатил уже. Однако, стоит покинуть железную коробку, пройти пару шагов по коридору и оказаться в просторной, оборудованной всем нужным комнате, как девица сбрасывает плащ, оставаясь в одной короткой прозрачной красной ночнушке.

Но всё хуйня, она меня больше не интересует, потому что над одной из кроватей, на стене, я замечаю несколько фотографий с моим наваждением.

– Кто это? – спрашиваю, нахмурившись, и подхожу к аккуратно застеленной постели.

В память врезается утро, когда я выгнал её из своей квартиры, там она тоже кровать заправила. Нашла время, а ведь свинтить мечтала как можно скорее.

– Моя соседка, но её нет, уехала на каникулы домой, – быстро отвечает.

– Вот это я удачно зашёл, – хмыкаю, довольный собой и Максом, который нашёл эту шлюху.

Глава 10 На моей кровати

Возможно, Грозный уже забыл о моём существовании

Аля

Только оказавшись в родном гнезде и в кругу семьи, я поняла выражение «дома и стены помогают». Третий день, как приехала, и мне уже удалось успокоить расшатанные нервы, позабыть о страхе, не оглядываться и улыбаться искренне.

Правда с утра какое-то странное предчувствие, словно что-то надвигается, но я списываю это на беспокойную ночь. Мне снилось, что Грозный явился сюда, вырвал из лап отца, перед этим жёстко избив его, и увёз к себе. И всё было настолько реально, что я вскочила с кровати, как ошпаренная, и, только убедившись, что это сон, немного успокоилась. Однако весь день тревожный, и даже работа по дому не особо помогает отвлечься.

– Мама офигеет, – раздаётся за спиной, и от неожиданности я со вскриком отскакиваю. – Ты нормальная? Что пугаешь? – выпучивает на меня глаза сестра.

– Это ты меня напугала, – прикрываю глаза и выдыхаю. – Чего подкрадываешься как мышь?

– А надо было топать как слон?! – фыркает и, пройдя в

комнату, устраивается в кресле. — Пахнет как, — мотает головой, замычав. — Что это?

— Кондиционер, — отвечаю и, зацепив штору, лезу на стол, чтобы повесить обратно.

— У вас там всё такое классное? — спрашивает, и я уже знаю, куда поведёт этот разговор.

— Нет, не всё, — говорю чистую правду. — Это большой город и...

— Я так до сих пор и не понимаю, почему ты не выбрала Москву, — перебивает, заводя свою шарманку.

— Потому что поступила в этот вуз, второй год уже это рассказываю, Арин, не задавай глупых вопросов, — устало вздыхаю.

Чтобы отвлечься от дурных мыслей, я с самого утра дом вверх дном перевернула. Постирала все шторы, убрала и помыла каждый уголок несмотря на то, что и так всё в порядке. И я устала, вот честно, физически нет никаких сил, даже ужинать не хочется, в душ бы и сразу спать, но буду сидеть со всей семьей. Надеюсь только, что из-за усталости мне ничего не будет сниться.

— А я в Москву поеду, — мечтательно произносит сестра.

— Ты поедешь ко мне в Питер, и это не обсуждается, — строгим тоном говорю и слышу вздох разочарования.

— Если бы ты не была моей любимой сестрой, я бы тебя...

— У тебя есть выбор? — бросаю на неё смешливый взгляд.

— К сожалению, нет, мои родители остановились на двух

детях, – разводит руками и встаёт с кресла. – Давай помогу.

– Спасибо, одумалась, – киваю укоризненно. – Я уже закончила, – проговариваю, спускаясь со стола. – Но можешь помочь на кухне, скоро мама с папой придут, – добавляю и смотрю на свою работу с довольным лицом.

– Если ты будешь так меня эксплуатировать, то я точно в Москву поеду, – на это заявление я могу только глаза закатить.

Сдалась ей эта столица, думает, там настолько всё просто и красиво, как показывают по телевизору или блогеры, живущие на Патриках и в Москва-Сити. Для таких, как мы, из среднестатистической семьи, максимум, что светит – это обшарпанная однушка далеко за МКАДом. Нет, никакой столицы, пусть будет рядом со мной, я уже освоилась в Питере и, если что, всегда смогу помочь.

Арина у меня девушка впечатлительная и везде сующая свой красивый нос. А ещё очень привлекательная и наивная девочка, верит всем и всему, обмануть её ничего не стоит, а желающих, уверена, найдётся.

– Я не дёргала тебя весь день, оставила учиться и заниматься, а то, что в магазин отправила, так хорошо, хоть подышала свежим воздухом, – тараторю как ворчливая бабка. – Купила хлеб?

– Последний урвала, – гордо заявляет и трясёт пакетом, когда мы заходим на кухню.

– Отлично, режь салат, – киваю на уже помытые овощи, и

Арина, театрально вздохнув, принимается за работу.

К тому времени, когда к ужину всё готово и домой возвращаются с работы уставшие родители, я окончательно забываю и о жутком сне, и о виновнике моих расшатанных нервов. Возможно, я сильно себя накручиваю, и Грозный уже забыл о моём существовании, но я пережила сильный стресс, и, чтобы отойти, нужно время.

– Зачем ты так утруждалась? – спрашивает мама после того, как она уже оценила мои старания за весь день и мы расселись за столом всей семьёй.

Боже, как же хорошо дома, в кругу любящих тебя людей.

– Ничего я себя не утруждала, – отмахиваюсь, отправляя в рот запечённую картошку.

– Я ёлку принёс, завтра утром перед работой поставлю, и вы нарядите, – вставляет папа, улучшая моё настроение до отметки сто.

За непринуждённой беседой и проходит ужин. Мы с сестрой обсуждаем блюда на новогодний праздник, и, к моему удивлению, мама не участвует в разговоре. В принципе, кроме похвалы за проделанную мной работу, она почти что больше не проронила ни слова, и вид у неё какой-то задумчивый и озадаченный.

– Мам, с тобой всё хорошо? – интересуюсь, и остальные члены семьи прерывают разговор и переводят взгляды на маму.

– Нормально, – выдавливаю из себя улыбку, но обмануть

нас у неё не получается.

– Наташа? – вопросительно смотрит на маму отец.

– Ох, – вздыхает и мрачнеет моментально. – Наш хлебо-
завод закрывают, – говорит и накрывает лицо руками.

– Знаю, – кивает папа. – Мужики обсуждали сегодня.

– Как мы теперь? Твоей зарплаты не хватит, а у нас скоро
две студентки будут, – на последнем слове маму пробивают
слёзы.

– Ну ты чего, мамочка, – накрываю её руку своей. – Я най-
ду постоянную работу и подработки не брошу, мы справим-
ся, – улыбаюсь, несмотря на грусть за то, что родительница
расстроилась.

– Тебе учиться надо, а не тратить время на работу, – бро-
сает и вытирает щёки от слёз.

– Ну ты нашла, о чём плакать, – подвинув стул ближе, я
её обнимаю. – У меня есть время и на учёбу, и на работу,
не стоит переживать. На первом курсе тоже справлялась, –
успокаиваю, поглаживая по плечу.

– Я возьму дополнительные смены, справимся, – отмахива-
ется папа.

– Какие дополнительные? Ты и так работаешь с утра до
ночи, и выходной устраиваешь раз в две недели. Нет, нет, –
мотает головой мама. – Я буду искать другую работу, правда
не знаю, куда возьмут.

– Не забивай голову, найдёшь, – папа вечно на позитиве. –
Чего так убиваться?!

– Я всю жизнь хлеб пекла, – шмыгает носом мама.

– А теперь будешь его продавать, – пожимает плечами отец. – Ты у меня с мозгами, что, не сможешь на кассе стоять и продукты пробивать? Сможешь, конечно.

Ещё несколько слов от папы и поддержка от нас с сестрой, и мама успокоилась. Работу я всё равно буду искать, и либо родителям помогать, либо накоплю для выпускной Арины.

Убрав со стола и помыв посуду, мы перебрались в гостиную, решив посмотреть какой-нибудь фильм, как раньше, когда я ещё не была студенткой и каждый вечер мы проводили вот так. Но, едва устроилась в кресле, а на экране появились первые кадры, как меня отвлекает вибрация телефона. Думая, что написала Таша или Ева в нашем чате, разблокирую его с улыбкой, но она стирается моментально, когда вижу незнакомый номер.

«Соскучилась, Хрустальная?» – читаю и леденею, когда вижу прикреплённую к сообщению фотографию Грозного на кровати в моей комнате общежития.

10.2

Аля

Пальцы дрожат, как у пьющего дяди Володи из соседнего дома по утрам, едва удаётся удержать телефон в руках. Увеличиваю присланную Грозным фотографию, ищу какие-то доказательства, что это не моя комната, не моё покрывало,

на которое он уселся, и за его спиной на стене не висит рамка с портретом нашей семьи на моём выпускном.

Нет, это точно моя комната.

Меня всю трясёт, кошмар почти стал явью, только явился он не к родителям домой, а в моё временное жильё. Как его вообще пустили? Тамара Васильевна никого не пропускает, даже с Таши и Евы иногда студенческий требует, хотя знает их в лицо. К слову, этим же вопросом задавалась, когда Ирина приводила своих клиентов в нашу комнату.

Собственно, это не важно, куда значимее, что он там делает. Знала, что он не отпустит меня просто так. Урод решил играть, сводить меня с ума и пугать до чёртиков своими выходками.

Что, если его кто-то застукает на моей кровати? Век не отмыться от сплетен, а это меньшее, что мне сейчас нужно. За полтора года я показала себя прилежной ученицей, хорошей девочкой и примерной жительницей общежития. Я всегда на все сто отрабатываю своё дежурство по коридору, и, вообще, не зря меня назначили главной на этаже. Регулярно слежу за порядком и за тем, чтобы в комнате отдыха не было бардака. Да, парни меня недолюбливают, потому что не позволяю им курить у окна. Девушки, те, кто живут в комнатах без удобств, злятся, когда делаю им замечания, что не убрали на кухне за собой. Но такой я человек, не выпендриваюсь, просто так меня воспитали.

А что теперь? Это общежитие, невозможно, чтобы в тво-

ей комнате был посторонний и никто об этом не знал. Даже учитывая, что сейчас каникулы, многие остались и не уехали домой. Соответственно, завтра вся общага будет знать, что из комнаты старосты третьего этажа выходил какой-то парень.

«Что-то ты не волновалась, когда из той же комнаты выходили разные мужики твоей соседки», – раздаётся в голове.

Возможно, потому что я не чувствовала вины за это. Очевидно, что эти люди приходили не ко мне. Разве нет?!

От мыслей отвлекает вибрация телефона и оповещение о новом сообщении. Дрожащими пальцами пытаюсь разблокировать экран, но удаётся только с третьей попытки.

Лучше бы я этого не делала.

Нужно свернуть окно, удалить эту срамоту и добавить абонента в чёрный список. Но вместо этого я плююсь на экран телефона, на картинку, где Грозный всё ещё сидит на моей кровати, а между его раскинутых ног голова моей соседки. И чем она там занимается, не трудно догадаться.

Мерзость какая! Зачем присылать мне подобные фотографии? Мне совершенно всё равно, как он проводит своё время. Как вообще можно такое кому-то показывать? Это интимный момент между тобой и партнёршей.

«На её месте должна быть ты», – прилетает следом.

«Очень скоро будешь, Хрустальная», – ещё одно сообщение, и я на автомате блокирую экран и швыряю телефон.

– Что такое, дочь? – спрашивает мама. – Ты красная как

помидор, – констатирует, нахмурившись.

– Всё в порядке, – улыбаюсь, но по лицу вижу, что она мне не верит. – Правда, всё хорошо, – убеждаю, но причину придумать не могу.

Голова не соображает совсем, перед глазами так и стоит грязная картинка. Приеду и выкину то покрывало, а матрас обработаю дезинфицирующим средством. И с Ириной поговорю, хотя о чём тут уже говорить, ясно, что слухи более чем правдивые. Поставлю условие – либо прекращает заниматься такими вещами в общежитии, либо я сообщу в администрацию и её выселят.

Да, очень некрасиво стучать, но это неприемлемо. Где такое видано вообще, это престижный вуз, в нём учатся дети больших людей, мажоры одни, ну и мы затерялись, те, кто поступил на бюджет и проживает в этом общежитии.

Но поздно я начала думать об этом. Пока я дома старалась всеми силами отвлечься и отдыхать, там, в северной столице, решалась моя дальнейшая судьба. Пришедшее несколько дней спустя письмо выбило у меня землю из-под ног.

Глава 11 Он во всём виноват

Неужели так сложно быть мужиком и оставить меня в покое?

Аля

Спокойствия мне не видать, и где-то я очень сильно согрешила, а сейчас расплачиваюсь. Только не знаю, когда успела навесить на свои плечи такой тяжкий грех, вследствие чего получила настолько тяжёлое наказание.

Я успела только новый год с семьёй отпраздновать, стараюсь выкинуть из головы картинку Грозного на моей кровати. Правда все попытки были впустую, но ещё больше раздражает понимание, что не настолько противно его присутствие в моей комнате, насколько его... развлечение с моей соседкой.

Это необъяснимо и нелогично. С чего бы меня начал волновать факт его досуга. Разве я не этого хотела? Чтобы он нашёл себе другой объект. Конечно, этого! Так какого чёрта меня царапает изнутри это знание?

Ладно, это не так важно. Вообще всё перестало иметь значение после полученного вчера утром письма, и Грозный в том числе. Мне написали из администрации университета, сообщили, что меня лишают комнаты в общежитии вуза. Причину, естественно, не озвучили, и я уже сутки нахожусь

в замешательстве.

Родителям не стала говорить, соврала, что вызывают раньше, как старосту этажа. Не знаю, насколько правдиво звучала моя ложь, мама только покивала, мол, иди, раз надо, а папа подозрительно на меня косится до сих пор. Я ведь не могу сказать правду, родительница снова в слёзы бросится и будет паниковать, что осталась без работы и не в состоянии дочерей содержать. Мне категорически не хочется ставить их в неловкое положение. Я обязательно разберусь в случившемся, а если нет... что-нибудь придумаю. В любом случае работу собиралась искать, найду комнату подешевле у какой-нибудь бабули, и всё будет хорошо.

– Звони, как доедешь, – обращается ко мне папа, когда мы уже на перроне.

– Обязательно, – киваю и через секунду оказываюсь в объятиях мамы.

– Так быстро уезжаешь, не успели толком вместе побыть, – всхлипывает, поглаживая меня по волосам.

– Ну чего ты, я ещё приеду, – успокаиваю, сама сдерживая себя.

– Ничего, ты просто слишком быстро выросла, – вытирает слёзы с щёк и лезет в карман. – Держи, здесь немного, но... – протягивает мне несколько купюр.

– Не надо, вам нужнее, а у меня стипендия, – отказываюсь брать деньги и, чтобы не сунула силой, быстро целую родителей и прыгаю в поезд. – Люблю вас, – кричу, махая рукой.

А заняв своё место, даю волю слезам и бесшумно плачу очень долго. Дома было так хорошо, несмотря на неприятное напоминание о себе от Грозного. Как бы там ни было, и насколько взрослой бы ты ни была, дома ты маленький ребёнок. Дом – это место, где можно на время забыть о проблемах, побыть беззаботной и счастливой.

В пасмурную и холодную Северную столицу приезжаю вечером, а пока добираюсь до общежития, на улице и вовсе наступает ночь. Снег идёт беспрерывно, что немного осложняет передвижение по городу. Но всё же я добираюсь за два часа до закрытия дверей.

Страхнув с себя снежинки, я переступаю порог здания, которое было моим домом долгие полтора года. Тётя Тамара встречает меня печальным взглядом, и на миг мне даже кажется, что на её лице проскальзывает стыд.

– Добрый вечер, Тамара Васильевна, – здороваюсь с женщиной, подойдя к стойке.

– Добрый, деточка, – кивает и смотрит куда угодно, только не на меня.

В чём дело? Что я такого сделала, что меня решили выгнать из общежития? Я всегда следовала правилам, ничего и никогда не нарушала, учусь я, слава богу, тоже хорошо.

– Тамара Васильевна, что случилось? – решаю вывести у неё.

Завтра с утра поеду в деканат, но если кто-то и в курсе, так это только наша комендантша.

– А что случилось? – округляет глаза, очень плохо изображая непонимание.

– Тамара Васильевна, – смотрю на неё, давая понять, что не работает её притворство.

– Ой, ладно, – цокает языком. – Поймали вас, вот что случилось, – выпаливает.

– Что значит «поймали» и кого «вас»? – хлопаю ресницами, ничего не понимая.

– Ну не строй из себя невинную овечку, – вздыхает, будто её утомил этот диалог. – Узнали в администрации, чем вы с Гавриловой занимаетесь, – проговаривает, и меня озаряет.

– Что? – едва слышно произношу.

– Что-что, чем вы думали? Такую срамоту в общежитии разводить, – осуждающе мотает головой. – Скажите спасибо, что из института не выперли.

– А вы чем думали, когда чужаков пускали в это здание? – вопрос слетает с языка, который я перестала контролировать. – Вы ведь знаете, что я не имею отношения к этому, – тут же добавляю и слезу со щеки вытираю. – Завтра же пойду в деканат...

– Помолчи, – строго перебивает, и я захлопываю рот. – Девочка ты хорошая, но пойми, у меня внуки, которых дочь свалила на мои старые плечи и укатила в закат, мне нужно детей на ноги ставить, – говорит всё это, встав со своего места и смотря мне в глаза каким-то незнакомым взглядом. – Деньги не пахнут и никогда лишними не бывают.

Ну, всё понятно – Ирина ей платила за молчание. Правда я никогда не думала, что эта милая женщина в возрасте способна на такие вещи.

– Продались, – киваю с пониманием.

– Продалась, – и не думает отрицать. – Ты бы тоже продалась, если бы пришёл мужик и предложил такие деньги всего лишь за пару слов куда нужно, – буквально бьёт словами и медленным осознанием, кто за всем этим стоит.

11.2

Аля

– Какой мужик? – спрашиваю, потому что мне нужно знать наверняка.

– Мужик? Не было никакого мужика, – спешно мотает головой и делает вид, что чем-то занята, хотя по факту просто перебирает кроссворды на столе.

– Тамара Васильевна, – прижимаюсь к стойке. – По вашей вине я осталась без жилья, что, если я завтра в деканате скажу, по какой именно причине оказалась в такой ситуации? Или что наша заслуженная комендантша потакала моей соседке и брала деньги за то, что та приводила в общежитие своих клиентов? – проговариваю это всё с максимальной злостью.

А что делать? Броситься в слёзы? Слезами делу не поможешь, а я, если нужно, могу быть и плохой девочкой. Я правда искренне считала эту женщину хорошей, доброй и понимающей. У нас были приятные отношения и взаимопонима-

ние, мы даже могли чаёвничать у неё в подсобке. Я помогала ей, когда она в этом нуждалась. Да, не делала ничего серьёзного или тяжёлого, но факт помощи был. А сейчас что? Нож в спину.

– Скажи, – кивает с ухмылкой. – Кому поверят? Девке, которая подозревается в проституции или проверенному годами сотруднику?

– Какая вы лицемерка, – только и могу, что сказать. – Продажная лицемерка, – выплёвываю и, прихватив чемодан за ручку, иду к лифту.

– Куда пошла? – кричит мне вслед.

– В свою комнату, куда ещё, – бросаю через плечо.

– Ты здесь больше не живёшь, – не унимается, выходя из своей кабинки.

– А вы здесь больше не работаете, – кричу перед тем, как створки лифта закрываются.

Не знаю, получится ли у меня, но я сделаю всё возможное, чтобы её привлекли к ответу за эти действия. Чёрт... а как же внуки? Она сделала это ради них... и не врёт. Я знаю, что у неё двое мальчишек, пяти и восьми лет, видела их фотографии. Тамара Васильевна души в них не чаёт и правда многое для них делает. Не повезло с дочерью, или как она там говорила: дочь плохо воспитала, хоть внуков нормально выращу.

Ну и как лишить её единственного места работы? Совесть ведь будет мучить до конца дней. Нет, не смогу, тем более

здесь явно причастен Грозный, а он умеет «убеждать». Уверена, без угроз не обошлось, мажоры ведь считают себя все- сильными, папочке позвонит, его связями попугает, и всё, он победил. Непонятно только, зачем ему выгонять меня из общежития, месть такая за мой отказ?

Захожу в комнату и обнаруживаю, что Ирины и след простыл, будто и не было здесь. Её угол, где кровать и прикроватная тумба, пустой, никаких вещей. Шустрая какая, подставила и свалила до моего приезда, наверняка специально, чтобы не столкнулись.

Замечаю на голом матрасе её кровати листок бумаги, подхожу, попутно расстёгивая пуховик. Наклоняюсь и читаю послание: «Прости, у меня не было выбора» большими буквами и всё. В чём не было выбора? В том, чтобы приписать и меня в проститутки? Не прощу! Опозорила на весь деканат и исчезла, а мне теперь жить на вокзале.

Падаю без сил на свою кровать, утыкаюсь носом в подушку и тут же, вздрогнув, вскакиваю на ноги. Пахнет Грозным. Он что, спал здесь? Как можно впитать его запах, если он просто посидел... воспоминания сбивают с ног, и я с яростью начинаю стягивать с кровати всё.

– Урод! – шиплю под нос, бросая на пол покрывало. – Му- дак! – следом одеяло. – Ненавижу! – простынь летит к кучке.

Нервы сдают, и, присев между кроватью и испачканным их игрищами постельным бельём, взрываюсь рыданиями. Зачем он это делает? Неужели так сложно быть мужиком и

оставить меня в покое? Ну видишь ведь, что не хотят тебя видеть, не говоря уже о большем. Где твоя мужская гордость в конце концов? Или что им движет? Инстинкт охотника, скукота? Решил таким образом поразвлечь себя? Ненавижу!

Не знаю, сколько просидела на полу, обняв колени, и лила слёзы. Правда, делу они не помогают, только головную боль вызывают, но на душе чуть-чуть легче стало.

Вытираю щёки, поднимаюсь на ноги, подхожу к шкафу и достаю чистое постельное бельё. Не собираюсь никуда ехать на ночь глядя, и вообще, не собираюсь сдаваться, буду разбираться и пробовать оправдать себя.

Переворачиваю матрас и застилаю кровать, после чего закрываю дверь на защёлку и иду в душ, смыть усталость. Вещи не разбираю, на всякий случай. Надеваю пижаму, ложусь под одеяло и открываю сайт аренды жилья. Я конечно верю в хороший исход завтрашних переговоров, но, если что, у меня должны быть хоть какие-то варианты.

Так и уснула с телефоном в руках, а проснувшись, чуть голову себе не сломала, когда спрыгнула с кровати с какой-то пугающей мыслью, что опоздала. Но время на часах показывает семь утра, и я выдыхаю с облегчением.

Не торопясь готовлюсь, позволяю себе даже позавтракать чашкой кофе и оставшимися с дороги мамиными пирожками. Когда выхожу из общежития и прохожу мимо стойки, делаю вид, что никого не замечаю, услышав в спину громкое фырканье. По дороге к университету решаю окончательно,

что не буду трогать Тамару Васильевну, пусть этот поступок будет на её совести. Я не опускаюсь до такого, мальчишки ни в чём не виноваты, а она просто получила шанс подзаработать и чем-то их порадовать. В общем, бог с ней, а вот Ирину я обязательно потрясу, когда встречу. А мы встретимся, всё-таки учимся в одном институте.

– Добрый день! – здороваюсь с секретаршей, когда захожу в приёмную.

– Ефимова, заходи, – бросает строгим голосом и смотрит на меня презрительным взглядом.

Уточнив у декана, готов ли он меня принять, она приглашает зайти, и на негнущихся ногах я делаю шаг вперёд, осознавая, что весь мой запал и уверенность остались за пределами здания.

Глава 12 Занимательная история

План надо менять, и поступить по-другому

Грозный

Едва покинул здание аэропорта, как телефон начал разрываться сообщениями. Я только прилетел с юга Италии, где возникли некоторые проблемы с «поставщиками» и пришлось лично решать вопросы. Рискованно совать свои лапы на территории, подвластные мафии, но не быть мне Грозным, если начать чего-то бояться.

Италия – самый крупный поставщик угнанных тачек, и лишиться этого лакомого куска было бы верхом идиотизма. На этом я поднялся, заработал и, собственно, переехал из-под моста в тёплую комнату построенного ещё при Сталине здания. Главное, не переходить черту и не бросаться в глаза местной каморре. Им нет дела до пары украденных автомобилей, так что всё должно быть тихо и без жертв.

Я не особо свечу своей рожей, только даю распоряжения, оставаясь за кадром, не зря ведь людей себе набрал. Прошло то время, когда я самостоятельно совершал угоны, рискуя быть пойманным. Теперь средства позволяют поручить это дело другим.

Собственно, летал я, чтобы вытащить из полиции молодого-

го «сотрудника», который по собственной глупости попался. Да, представьте себе, я не бросаю своих людей, какими бы конченными идиотами они ни были. Как говорится, мы в ответе за тех, кого приручили.

– И что я здесь делать буду? – вырывает из мыслей голос виновника моих проёбанных дней.

– Отсидишь, как и полагается, – ровно отвечаю, проверяя пропущенные звонки.

– В смысле? – удивляется малец. – Ты с ума сошёл, что ли? Притащил меня на родину, чтобы в тюрьму упечь? Да пошёл ты на хрен! – восклицает на всю улицу, привлекая внимание спешащих по домам прилетевших пассажиров.

Первые секунды я пялюсь на него с выкаченными глазами, не вдупляя, – мне это мерещится, или пацан и в самом деле охерел.

– Повтори! – приказываю и смотрю на него, прищурившись.

– Я не собираюсь сидеть, – выплёвывает и обдаёт моё лицо парами перегара.

Вот сучёныш, успел бахнуть в самолёте.

– Если собирался меня сдать, оставил бы в Италии, там тюрьмы с нормальными условиями... – Витя не успевает договорить, как сваливается на мокрый асфальт после моего удара.

– Молодой человек, что вы творите? – рядом вырастает какая-то бабка.

– Воспитываю, – рывкаю на старуху, наклоняюсь к этой тупой башке и за шкурку поднимаю на ноги. – Ещё одно слово из твоего рта, и поедешь напрямик ко дну Невы. Ясно? – шиплю ему в неблагодарное ебло и, дождавшись кивка, волюку к припаркованной тачке, за рулём которой сидит Макс.

– Без шоу и дня прожить не можешь, – мотает головой друг, едва я занимаю переднее пассажирское.

– Закройся! – бросаю, а тот лишь усмехается и заводит мотор.

– Куда? – задаёт вопрос.

– В общагу, – коротко отвечаю и набираю Толя.

– Слушаю, Давид Тимурович, чем могу быть полезен? – раздаётся по ту сторону линии.

– Ой, блядь, – выдыхаю, прикрыв глаза. – Решили все меня сегодня достать? Давай по делу.

– Нашёл я этого Рому, – меняет тон на серьёзный. – Задача сложная даже для меня, потому что он нигде не фигурирует, и мне пришлось очень глубоко копать и проверять всех мужиков под этим именем в том Мухосранске...

– Накину сверху, – перебиваю его тираду, понимая, к чему ведёт. – К делу, – раздражённо требую, уже заебали все сегодня.

– Тогда жду тебя у себя, – выдаёт, и я сжимаю трубку в руке до треска.

– По телефону говори...

– Нет, мой дорогой, инфа ценная, так что сначала бабло,

потом материал, – проговаривает и отключается.

– Сука! – ору и несколько раз бью кулаком по приборной панели.

Макс молчит, никак не комментируя мой всплеск ярости, за что пятёрка ему, и, когда мы приезжаем к месту назначения, я уже в более-менее нормальном состоянии.

– Здорово, – Тим встречает на ступеньках, протягивая нам руку.

– Где Лохматый? – интересуюсь, заходя в здание.

– В кабинете... твою мать! – срывается обратно на улицу, и, развернувшись, вижу, как Витю ловят двое охранников.

– Ну что за ветер гуляет в голове этого идиота, – вздыхает Макс.

– Ты совсем охерел? – спрашиваю запыхавшегося пацана, когда его заводят внутрь. – Знаешь ведь, что здесь охрана, совсем не думаешь своей тупой башкой?

– Я не сяду! – орёт мне в лицо.

– Конечно, – произношу и кивком головы даю понять мужикам, чтобы отнесли вниз.

Подвал этого здания разделён на комнаты три на три метра. Раньше там хранилась всякая хрень типа кроватей, матрасов и другого инвентаря. При ремонте я велел сменить дряхлые деревянные двери на железные и поставить кровати из тех, что здесь были, – пружинистые и ржавые. Канализация была, как и возможность поставить толчки, так что, считай, все удобства для провинившихся. Собственная тюрьма

– хороший метод воспитания, проверенный годами. Условия далеко не сладкие, но их жизни ничего не угрожает.

– Сколько? – спрашивает Тим.

– Две недели, – коротко бросаю, и тот, кивнув, уходит вслед за заключённым. – Где ключи от тачки? – перевожу взгляд на Макса.

– Ты куда? – интересуется, вручая пульт-ключ.

– Дело есть, – сухо бросаю и иду на выход.

– Такое важное, что срываешься? У нас так-то тоже дела, – летит в спину.

– Очень важное, – киваю больше себе и сажусь в Гелик.

Открываю мессенджер и нажимаю на диалог с Хрустальной. Я оттягивал этот момент, чтобы полностью им насладиться.

«Ненавижу тебя!» – гласит первое послание.

«Урод! Ты мне жизнь сломал! Опозорил на весь институт! Чтобы ты провалился!» – второе, и здесь ничего нового, я эти слова много раз в своей жизни слышал.

«Зачем? Почему ты это сделал? Чем я так провинилась?» – третье пришло спустя несколько часов и уже не пропитано такой яростью.

«Что ты молчишь? Ты мне жизнь испортил, и даже сказать нечего?» – и снова ярость сочится в каждой букве.

«Ладно, прости меня! Прости, что врезала тебе по... самолюбию. Я могу искупить свою вину, только не тем способом, который ты хочешь. Но исправь всё.» – а вот здесь уже

отчаяние, значит, готова, и я могу приступить к следующему шагу.

Но сначала Толь и инфа об этом Роме, который уже заебал меня.

12.2

Грозный

Живёт этот наглый, но толковый хакер в просторном лофте многоэтажки в престижном районе. Перед тем, как приехать к нему, я заехал домой за наличкой. Толь, что, к слову, с монгольского переводится как «зеркало», признаёт только бабло на руки, никаких переводов.

Дверь мне открывает высокая блондинка в одних трусах, если можно эти ничего не скрывающие нитки так назвать. Одарив меня широкой улыбкой, шлюшка отходит и, развернувшись, уходит в сторону дивана п-образной формы, где полулежат ещё две такие же голые девки. В память врезается Хрустальная и её скромные трусики, которые хотелось зубами на ней рвать.

Раньше меня вообще не волновало, какое бельё на шлюхе надето. Но Хрустальная не шлюха, и какого-то хрена при каждой встрече я отмечал любую деталь её одежды.

Умом тронулся, однако уже не удивляюсь, особенно после того, как отвалил круглую сумму, чтобы примерную студентку выгнали из общаги.

Зачем? А затем, чтобы эта гордая особа приползла ко мне на коленях и молила позволить ей отсосать мне в качестве извинения за мои умершие нервные клетки. Не хотела по-хорошему, будет, как я привык.

– Товарищ Грозный, – раздаётся громкий голос Толя.

Повернувшись на звук, вижу тощее тело, на котором накинута лишь длинный халат.

– Для полного счастья мне сегодня не хватало только твой болт лицезреть, – вздыхаю, намекая, чтобы прикрыл свой хрен.

– Нравится? – подмигивает и делает характерное движение бёдрами.

– Я задам тот же вопрос, когда засуну его в твой же рот, – голос мой ровный, так уж мы общаемся. – Давай к делу.

– Расслабиться с дороги не желаешь? – спрашивает, прикурив сигару, а через мгновение на моем торсе оказывается девичья рука с красными ногтями. – Мои девочки отменно сосут, – не успеваешь закончить, как другая девка опускается перед ним на колени и принимается за работу.

– Толь, у меня до хуя дел, – устало произношу и сбрасываю с себя наманикюренные руки.

– Скучный ты стал, – бурчит и, схватив рыжую девку за голову, несколько раз толкается в её рот. – Заколдовала тебя... Хрустальная... девица, – проговаривает, едва дыша от кайфа.

От того, чтобы выбить ему зубы, спасает его профессию-

нализм. Каким бы Толь ни был, но дело своё он выполняет на сто процентов, и парень ценный кадр в моей команде. Но сейчас он переходит грань, или я и правда меняюсь. Раньше мы устраивали оргии, и никого ничего не смущало, а в этот момент меня конкретно раздражает всё происходящее.

– Толь! – рявкаю так, что шлюхи за спиной испугано взвизгивают.

– Дай кончить...

– Я сам тебя кончу! – перебиваю, и он, наклонив голову набок, смотрит на меня, как на врага.

– Ладно, – снимает рот рыжей со своего хрена и, слава богам, прикрывается, завязав пояс халата на торсе. – Пошли, – бросает, направляясь в сторону кабинета.

В рабочую комнату попасть можно только по отпечатку руки хозяина, а внутри настоящее шпионское логово. На стене напротив входа висит огромная плазма, метра на два, наверное, а по обе стороны стены заставлены мониторами разных размеров. Так что спрашивать, откуда он знает, как я называю Хрустальную, нет смысла, Толь знает всё.

– Деньги сюда, – указывает на... ванну у стены рядом с дверью.

– Как часто дронишь в ней? – спрашиваю, примерно представляя, зачем ему хранить наличку вот так.

– Каждый день, – ухмыляется. – В общем так, – начинает деловым тоном после того, как я бросил три пачки зелёных в ёмкость, размеры которой, конечно, уступают обычной ван-

не, но количество купюр разной валюты в ней впечатлило бы шлюх за дверью.

– Валяй уже, – вздыхаю и занимаю свободное рабочее кресло из двух имеющихся.

– Архипов Роман Романович, двадцать восемь лет, – говорит и выводит на экран плазмы личное дело упомянутого. – Живёт в Москве, работает в ЧОПе. Приехал в столицу из города, соседствующего с Мухосранском твоей девки, там у неё ещё троюродная сестра жила...

– Ближе к делу, – тороплю, не имея желания слушать всю подноготную левого мужика.

– Короче, мне пришлось копать и искать звонки и сообщения трёхлетней давности, откуда выяснил, что у них с твоей бабой была любовь до гроба... – прерывается, когда я луплю ногой по его креслу. – Полегче, Монтекки, – ржёт этот хрен. – Может, любви и не было, так, гуляли за ручки, пока он её домой к себе не привёз и не изнасиловал. Тогда Хрустальная твоя сиганула с балкона второго этажа, благо внизу кусты были, ничего себе не сломала. Босая, в одних брюках и футболке, это в ноябре, – поднимает указательный палец вверх, и не подозревая, как я уже закипаю, – бежала, пока такси не поймала, и поехала к этой сестре. И вроде всё ок, спаслась, но хрен там.

– Ты мне кино какое-то пересказываешь? – цежу сквозь зубы.

– Нет, конечно, – фыркает.

– Тогда что за тон? – спрашиваю и слышу скрип кожи – это ручки кресла под моими пальцами.

– Не нуди, – отмахивается. – На самом деле пытаюсь смягчить, но вижу, без толку. Сам насильников терпеть не могу, любовь должна быть по обоюдному согласию...

– Что там дальше? – спрашиваю, перебивая его бред.

– Дальше... этот Рома позвал друга, звонил, кстати, когда Алёна ещё была в квартире, собственно поэтому она и швырнулась с балкона, поняла, что дело дрянь и скоро придут его друзья. А он ещё угрожал, что в багажник её засунет и покатает по городу, а потом по кругу пустит. Так вот, припёрся к её сестре домой с этим другом, принялся орать и в дверь колотить, и, чтобы соседи ментов не вызвали, девица открыла. Рома начал требовать какие-то ключи от твоей девки, та в слезах говорила, что ничего не брала.

– Что ты несёшь? – мотаю головой, вопросительно выгнув брови.

– Слушай и не перебивай. Нахуярился этот Рома в хлам, куда-то дел ключи от квартиры, машины и всего важного, что у него было на связке, а свалил всё на твою Хрустальную, мол, она взяла и сбежала, пока она орала, что ушла через балкон и никаких ключей не видела. Друг его оказался поадекватнее, заметил в волосах сухие листья, а на коже царапины, о чём и сообщил Роме, и, собственно, утащил его домой. Вот и сказочки конец, – разводит руками.

– Ты накурен? – хмурюсь, не уверенный в его адекватно-

сти. – Откуда ты всё это взял?

– Между прочим, я пожертвовал своим малышом, чтобы всё это выяснить, – кивает на свой пах и продолжает, когда я даю понять, что нихрена не понял. – Тугой ты, Грозный.

– Я тебе сейчас въебу! – рычу, привстав с кресла.

– Сестра эта сейчас живёт под Питером и выдала мне всё в подробностях после того, как кончила на моем хрене несколько раз, – поясняет, и в это уже верить можно.

– Она не выдумала? – задумчиво спрашиваю.

– Нет, – мотает головой Толь. – Пиздёж я могу распознать, а Леночка даже всплакнула, вспомнив тот вечер и убитую горем сестру Алёнушку.

– Ясно, – киваю и, встав на ноги, иду на выход.

– А спасибо? – кричит вслед.

– В ванне, – кидаю через плечо и спешно покидаю лофт.

Теперь понятна реакция Хрустальной, и ломота нихрена не наиграна. Она была до жути напугана, настолько, что была готова умереть, только не пройти это снова. Её слова, кстати. А я мудака, оказывается.

План надо менять. Трахнуть её я по-прежнему хочу и отказываться от этой мысли не собираюсь, но надо поступить по-другому.

Глава 13 Семейный, мать его, ужин

Ненавижу отца, который выкинул мою мать, а спустя двадцать лет женился на проститутке из своего борделя.

Грозный

Я уже сел в тачку, но ещё не тронулся с места, обдумывая дальнейший план, когда позвонил Толь.

– Что? Бабла мало? – отвечаю и завожу мотор.

– Бабосов всегда мало, но наглеть не буду, – хмыкает и, судя по звукам на фоне, продолжает развлекаться. – По старой дружбе.

– Хороша дружба, – ухмыляюсь, вклиниваясь в поток машин.

– В общем, завод, где работает мамаша твоей девки, закрывают, это так, в качестве бонуса. Всё, бывай, – отключается, а я думаю, что этот факт ставит последнюю точку в моем плане.

Притащить Хрустальную к себе задача непростая, но, так как она сама предложила «исправить» свою ошибку, жить ей сейчас негде, ещё и с финансами в семье проблемы, всё складывается замечательно.

Я правда не собирался так действовать, лишь подождать, когда она поймёт, что находится в глубокой жопе. Скрывать

свою причастность и не думал, наоборот, пусть знает, что это моих рук дело, и, собственно, решить вопрос могу тоже только я. А когда получил бы, что хотел, опустил бы с миром. Однако... больше не вставляет этот план, в частности, после инфы от Толя.

Не по-пацански я поступаю, ведь понял давно, что Хрустальная из другого теста, а тут оказывается, её ещё и изнасиловали. Понятно, что она будет шарахаться от парней, как заяц от хищников. А я что? Меня повело как мальчика, и сам чуть не сделал то же самое.

Пиздец, сам себе бы в рожу дал. Ну да хрен со всем этим, буду играть по другим правилам и в итоге всё равно получу её.

Изнасиловали! Ебануться, как кроет от этого факта. От злости руки дрожат, а перед глазами красная пелена ярости. Я же этого урода порешаю. На куски порежу и голову его законсервирую, чтобы каждый день в ебло ему плевать.

Трель телефона отвлекает от мыслей, отрезвляет, и я только сейчас замечаю, что давлю педаль газа и топлю под двести. Сука! Ничего ведь не смогу сделать, если вылечу сейчас с трассы. Надо успокоиться.

– Слушаю, – отвечаю на звонок и сбавляю скорость.

– Где тебя носит, чёрт возьми? Кто вопросы решать будет? – Макс недоволен.

– А ты нам зачем, если без меня ничего решить не можешь? – срываюсь на друга.

А нехрен звонить мне, когда я готов убивать с особой жестокостью.

— Хуи пинать, — выплёвывает. — Ты отлично знаешь, что последнее слово всегда за тобой.

— Пришло время взвалить это на тебя, — бросаю, не колеблясь.

Да, у Макса периодически ветер в голове, поэтому в нашей паре пришлось мне ответственность на себя взять, но за все годы я убедился, что он умеет разделять работу и отдых, так что, уверен, он справится и без меня.

— Это шутка такая? — друг сам не верит.

— Никаких шуток, — серьёзным тоном отвечаю. — Ринг и гонки с сегодняшнего дня на тебе целиком и полностью.

— А ты чем заниматься будешь? — задаёт тупейший вопрос.

— Макс, ты хряпнул уже? — устало спрашиваю, но не дожидаясь ответа. — Помимо этого у нас до хрена точек дохода.

— У тебя башка потекла от этой девки, — вздыхает. — Ладно, хрен с тобой. Раз всё на мне, ты не лезешь и учить меня не будешь, если я сам совета не спрошу.

— Без базара, — соглашаюсь и на этом отключаюсь, как раз когда заезжаю за железные ворота.

Киваю охране на территории и, перед тем как выйти из тачки, набираю сообщение Хрустальной.

«Через два часа сообщишь место твоего нахождения, я тебя заберу, исправлять ошибки будешь. Но тебе, Хрустальная, нужно хорошенько подумать. Откажешься, и я палец о

палец не ударю. Трогать не буду.»

Отправляю и покидаю салон авто. Обогнув машину, забираю из багажника брошенный туда ещё у общаги подарок и направляюсь к дому.

— Явился, — кидает с предъявной отец, едва я оказываюсь в холле.

— Не к тебе, — выплёвываю, и не посмотрев в его сторону.

— Давид, — хватает за локоть, когда я собираюсь пройти мимо. — Пошли в кабинет, у Дамиры чтение сейчас.

— Бедный ребёнок, — мотаю головой, но с ним иду.

— Садись, — указывает на кожаное кресло возле рабочего стола, и я плюхаюсь в него. — Как прошла поездка? — спрашивает, заняв место по другую сторону.

— Жив, к твоему сожалению, — не удерживаюсь от колкости.

— Не начинай, — цедит сквозь зубы. — Я никогда не желал тебе ничего плохого...

— Поэтому мать на аборт отправил, — киваю и в глаза его смотрю.

Такие же, как мои. Вообще, после знакомства с ним я понял, что вылитый он, прямо ксерокопия. Наверное, именно из-за этого мать смотрела на меня и плакала, я ей его напоминал.

— Времена такие были...

— Я эту хрень уже слышал, давай к теме, — перебиваю, не имея ни малейшего желания слушать о том, как он несколько

месяцев трахал официантку, и та залетела.

– Мне сообщили, что ты летал на юг Италии, что у тебя там за дела? – спрашивает, взглядом сканирует, ищет ответ в моих глазах, на что я только хмыкаю.

– Тебе-то какое дело? У меня бизнес, и я...

– Ты молод и глуп, – повышает тон. – Ты хоть понимаешь, какие там люди? Знаешь, каким боком твои аферы могут выйти?

– Не лезь в мои дела, – цежу сквозь зубы, подавшись вперёд. – Я этим занимаюсь с шестнадцати лет и знаю, что делаю, – встаю на ноги, собираясь уйти.

– Мне донесли, что тебя заметили, – прилетает в спину.

– Я знаю, – бросаю через плечо и покидаю кабинет. – Мира-а-а, – зову единственного человека в этом доме, на которого мне не наплевать.

– Давид! – раздаётся сверху, потом топот ножек, и вот сестра уже летит по лестнице в мои объятия.

Отставляю подарок на пол и развожу руки, чтобы поймать девочку. Поднять её и кружить в воздухе, как в детстве, пока она заливисто смеётся.

– Тебя так долго не было, – надувает свои пухлые губы.

– Дела, смородинка, – виновато смотрю на неё и подхватываю подарок. – Это тебе, – протягиваю коробку и смотрю в радостные огромные чёрные глаза.

Не знаю, откуда взялась эта любовь к ней, ведь к отцу и её проститутке-матери я не испытываю даже простого ува-

жения, не говоря уже о большем. Но родителей не выбирают, как говорится. Не повезло Дамире родиться в семье, где папа сутенёр, а мама шлюха. Зато с братом подфартило, и, если бы не она, я давно бы свалил отсюда и носа не показывал.

– Здравствуй, Давид, – а вот и мамаша.

– Ага, – киваю и иду с малой в гостиную, вместе подарок распаковывать.

– Как твои дела? – Мила последовала за нами и теперь сидит на диване, как надзиратель.

– Работаю в поте лица, меня ведь не подобрал с трассы богатый дядя, – яд сочится сам собой, и меня не трогает то, как она морщится от обиды.

– Думай, что говоришь, – бросает, на дочь косится и, встав, уходит, наверняка, чтобы не нарываться.

Ну не могу я, как она, строить из себя долбаного ангела с милым голоском. Ненавижу её и отца, который выкинул мою мать, а спустя двадцать лет женился на проститутке из своего борделя. Мерзость.

13.2

Грозный

Желания сидеть за столом с тем, кто выкинул меня ещё в материнской утробе, и его шлюхой нет, но ради Дамиры, я периодически терплю эти полчаса. Не знаю, как эта семилетняя девочка меня в себя влюбила, но притянула к себе

с первого взгляда, когда была пятидесятисантиметровой, и всё, что могла, – это орать, есть и наполнять штаны.

Возможно, всё тянется из детства, и сказывается то, что я всегда мечтал о брате или сестре, но мать даже при желании не могла себе позволить ещё одного ребёнка. Она меня едва тянула, работая в том чёртовом подвале, который зимой не отапливался, что, собственно, и свело её в могилу.

Ужин прошёл, как и всегда, – в напряжении. Я ковырялся в тарелке, так и не съев ничего, из-за чего Мила заметно скисла, улучшая мне настроение. Подонок я, да, не скрываю ведь этого, как и свою неприязнь к ней. Отец только зубы сжимает, но молчит, знает, что нет смысла меня учить, как с его женой себя вести. Насрать мне на неё и её стряпню, собственно, как и на отца.

– Когда приедешь? – уже у выхода спрашивает Дамира.

– Как только время появится, сразу к тебе, – отвечаю, подняв её на руки.

Красотка такая уже в свои семь. От природы кучерявые чёрные волосы, глаза зелёные, губки пухлые и смуглая кожа. Наша порода, это заметно невооружённым взглядом. Даже, помнится, повёл её однажды в парк аттракционов, и тётка одна сказала, что у меня очень красивая дочь, настолько она на меня похожа. Лет десять ещё, и буду лопатой ухажёров отгонять от неё, чтобы к ней не липли такие уроды, как я, будем откровенны.

– Будь осторожен, не лезь куда не надо, – напутствует па-

паша, выйдя меня провожать после того, как я попрощался с сестрой.

– Внезапно стало не насрать на меня? – наигранно бровь выгибаю.

– Не начинай, – цедит сквозь зубы.

– Я ещё не закончил, – открываю дверь тачки и занимаю водительское место. – Бывай, – бросаю и, заведя мотор, покидаю территорию дома.

Уже на выезде из посёлка проверяю телефон и удивляюсь, не находя ни одного сообщения от Хрустальной. Два часа давно прошли, было велено сообщить мне место нахождения, где ответ, вашу маму?

«Место», – лишь это отправляю, не дура, поймёт.

«В тюрьме», – ответ приходит мгновенно, и, прочитав, я резко даю по тормозам, встав на середине дороги.

Что за херня?

Набираю номер и слушаю долгие гудки. Внутри какое-то странное ощущение, похожее на... тревогу.

– Алло, – ленивый голос по ту сторону линии на удивление не злит, а успокаивает.

Если бы находилась в тюрьме, была бы напугана, а голос ровный. Кто в тюрьме с телефоном сидит, Дав? Чем ты думаешь?

– Объяснись, – бросаю, сжав руль до скрипа.

Шутница, блядь.

– Место. Твоё место в тюрьме, – отвечает и что-то грызёт,

судя по звукам.

– Молодец, Хрустальная, растёшь, – проговариваю и ловлю своё довольное и улыбающееся ебло в зеркале заднего вида. – Где ты?

– Не твоё дело, – произносит уверенно, но дрожащий голос предаёт её.

– Ошибаешься, ты – моё дело, целиком и полностью, хрустальная девочка, – скалюсь, предвкушая сегодняшний вечер.

– Пошёл к чёрту, Грозный! – выплёвывает, открывая свои истинные чувства.

Так лучше, а то строит из себя ледяную. Я обожаю её вспышки ярости и выплески эмоций, это как мёд для медведя.

– Значит, смотри, как у тебя обстоят дела, – начинаю то, что собирался сказать ей в лицо, но она удивила, думал, сама встречи искать будет.

В принципе, я могу набрать Толя, он пробьёт по номеру телефона, и я быстро её найду. Нахрен лишать себя удовольствия наслаждаться всей палитрой эмоций на её лице, когда я озвучу её ближайшее будущее.

– Я не собираюсь тебя слушать, – выпаливает и отключается.

Ну хорошо, дам тебе время выдохнуть.

Звоню Толю, и, пока идут гудки, меня отвлекает сигнал с улицы. Повернувшись, замечаю тормознувшую рядом со

мною спортивную тачку и опускаю окно.

– Вы дорогу перекрыли, будьте добры отъехать. Хотя бы к обочине, – пищит рыженькая милфа из своего красного Феррари.

– Отсосать хочешь? – смотрю на неё предельно серьёзно.

– Не обнаружил в себе ещё таких наклонностей, – раздаётся насмешливо в динамике телефона.

– Подожди, – говорю Толь, и тот только тихо ржёт.

– Что? – краснеет рыжая, почти сливаясь с отполированным металлом автомобиля. – Да как вы... что вы...

– Свали, или я засуну хрен тебе в рот прямо сейчас, – бросаю, но женщина явно не вдуляет.

Открываю дверь, показывая, что я не шучу, и выхожу из тачки. Я даже не против, нужно как-то разрядиться перед вечером с Хрустальной. Но едва делаю шаг, милфа срывается с места, вызывая смех.

– Обломали тебя. Эх, Грозный, теряешь хватку, – цокает языком Толь.

– Заткнись и найди Хрустальную, – говорю, возвращаясь в машину. – Быстро! – отключаюсь и закуриваю.

Минут через пять Толь скидывает геолокацию, и, выбросив окурок в окно, трогаюсь с места. Тебе не сбежать от меня, хрустальная девочка.

Глава 14 Выбор без выбора

Если и выбирать, то меньшее из зол. Вот такой вот выбор... без выбора.

Аля

Словно находясь в каком-то кино про подростков, сижу на подоконнике, обняв колени, и смотрю на пейзаж за окном – обшарпанная стена, грязный снег со следами мочи, мусорные контейнеры и бегающие крысы.

В деканате разрушили все мои планы – виновата по всем статьям, и дело пересмотру не подлежит. Мои слова уже не восприняли всерьёз, приговор вынесен задним числом, и мои оправдания сильно опоздали.

Как сказал Виктор Михайлович, против меня выступило два человека, и, естественно, на весах выигрывают они, а не я. Ирина и Тамара Васильевна в один голос подтвердили, что я имею непосредственное отношение к досугу соседки по комнате. Ирина не стала отрицать своей вины, но утянула и меня на дно, а Тамара Васильевна подтвердила. И она была права, потому что, цитирую: «Тамара Васильевна работает у нас пятнадцать лет, со дня открытия общежития, у нас не может возникнуть сомнений.»

Конечно, после этого я позабыла о своём же обещании не

подставлять старушку и высказала декану всё. Что ей заплатили, чтобы она меня оклеветала, что она брала взятки от Ирины за молчание, но всё без толку.

– Не усложняйте ситуацию, студентка Ефимова, – устало вздохнул мужчина. – Вы нарушили правила общежития и были на грани того, чтобы опозорить престижное учебное учреждение. Скажите спасибо, что лишились только комнаты, а не бюджетного места в нашем вузе, или вообще не отчислены, – закрыл мне рот моментально.

Мне нечего было сказать, я только кивнула, не в силах выдавить из себя слов благодарности. Проиграла, слушать и разбираться никто не станет, а если буду настаивать, и правда могу лишиться своего тёплого места на скамейке студентов. Испытывать судьбу не могу, родители не переживут ещё и это сейчас.

Решила, что ничего страшного, найду себе комнатуху подешевле для начала, а там посмотрим. Работу нормальную подыщу и поменяю на что-нибудь получше. Могла, конечно, обратиться к своим подругам, но Таша живёт с родителями, и сейчас она в горах с Артёмом. А Ева... уже в городе, но у неё новый проект, и, по всей вероятности, свободное время она проводит с Демьяном. И скоро к ней сестра переедет, куда ещё и меня впихнуть... В общем, в любом случае мне искать квартиру.

Квартиру, загнула-то как. На те деньги, что у меня есть, мне хватило на кровать в убогом хостеле, где тараканы чув-

ствуют себя хозяевами. Нормальная комната, даже у какой-нибудь бабульки, стоит недёшево, и плюс надо оплатить на месяц вперёд, потому что всем нужны гарантии. А так как работу я ещё не нашла, и те средства, которые у меня имеются, нужно растянуть на долго, я остановилась на самом дешёвом – хостеле.

Контингент здесь такой, что и в страшном сне не приснится, алкаши одни. Я здесь второй день, и работники со стройки в двух кварталах отсюда по вечерам устраивают пьянки до полуночи. Не знаю, как они ещё работают после такого, из-за таких вот потом по интернету гуляют мемы с неудачными ремонтами.

В общем, грязно, шумно, вонь стоит такая, что невозможно дышать. В комнате, где я снимаю место, есть три таких работника, и утром две девушки поселились, которые здесь проездом. Удивило, что они с удовольствием согласились «составить компанию» этим алкоголикам. А потом я полночи слушала стоны из соседней комнаты, где живет остальная часть бригады.

Прошлой ночью глаз не сомкнула, всё боялась, что им мало будет двух девушек, и они придут за мной. Ведь «предложили» расслабиться и выпить с ними, но, так как были ещё не до конца пьяными, спокойно приняли мой отказ. С натяжкой и после трёх моих отрицательных ответов, но приняли. Стены тонкие, не слышать их громкий мерзкий смех, было невозможно.

Тогда меня и прорвало, открыв сообщения, в отчаянии написала Грозному, не обвинила его, как несколько СМСок назад, а попросила прощения. Но под утро, когда звуки из соседней комнаты стихли, я провалилась в тревожный сон. Вздрагивала при малейшем шорохе, а проснувшись, отметила, что выгляжу ровно как «мои соседи» – словно всю ночь вливала в себя дешёвую водку.

Принялась искать что-то другое, потому что вот так жить даже временно невозможно. Я готова заплатить больше, пойду работать ночами, одолжу в конце концов, но оставаться здесь не намерена. И нашла недалеко отсюда, цена повыше, но, судя по фотографиям на сайте, место немного приличнее этого. Радостно собралась, оделась и перед выходом полезла в сумку, чтобы проверить документы. В отличие от этого места, там проверяют паспорт.

Не обнаружив документа в сумке, вспомнила, что положила под подушку вместе с бумажником. А достав его и открыв, едва устояла на ногах, грохнувшись на кровать. Денег не было, даже мелочи, всё забрали. Как? Как я могла не почувствовать, что кто-то лезет мне под голову? Я и спала-то всего часа три! И не могу сказать, что крепко. Ну, на час я точно отрубилась без задних ног, наверное, тогда и стащили. Конечно скандал с тучной женщиной, хозяйкой этого места, ничего не дал. Она только потребовала деньги за следующие сутки, слава богу, пара сотен остались по карманам.

И вот, который час сижу на чёртовом подоконнике, лью

слёзы, и когда Грозный написал, я послала его к чертям. Он во всём виноват, Ирине незачем было меня подставлять, и Тамаре Васильевне тоже. Все жили как жили и ничего не мешало, все были довольны. А тут, стоило Грозному объявиться в общежитии, и начались проблемы.

От рыданий и мыслей, куда деваться, уже разболелась голова. За окном давно стемнело, соседи опять пьянствуют, девушки выселились ещё в обед. Уверена, они стащили у меня деньги, мужики не могли, иначе украли бы их ещё в первую ночь.

Вздрагиваю, когда за стеной раздаётся грохот, а следом дикий хохот, и в этом шуме я разбираю слова «давай, вперёд», но не успеваю ничего понять, как дверь распахивается, ударившись о стену, и в комнату заходят двое мужиков. Один низкий и толстый, в расстёгнутой рубашке, являющей миру его волосатое пузо. А второй повыше, но крепкий такой, в одних потёртых джинсах.

– Красавица не желает с нами выпить? – заплетающимся языком спрашивает высокий, пока пузатый вытирает рот и осматривает меня с ног до головы.

– Нет, – вжимаюсь в окно, предчувствия беду.

– Ломается, – комментирует низкий и надвигается на меня. – Цену себе набиваешь?

Сердце пускается вскачь, дрожащими руками нащупываю ручку окна, но вспоминаю, что она заколочена гвоздями, единственный выход – это дверь, потому что в форточку я

не влезу.

– Девка что надо, лучше вчерашних, – скалится высокий, обнажив жёлтые зубы, так же приближаясь ко мне.

Я знаю, прекрасно помню глаза человека, который собирается насилловать. Очень не к месту вспоминается взгляд Грозного тогда в его квартире. В его глазах были только похоть, желание и возбуждение. А у этих мужиков... как и у Ромы в тот злополучный вечер.

– Я полицию вызвала, – лепечу и тут же вскрикиваю, когда меня хватают за волосы и валят на пол прямо у грязных вонючих ног.

– Зря ты это сказала, – ржёт один из них, не вижу кто. – Но ладно, мы быстро справимся, – слышу звук расстёгиваемой молнии штанов.

Не знаю, стоит ли кричать, кто-то придёт на помощь? Очень сомневаюсь.

– Хватай и пошли, – говорит вроде низкий.

– Не, пусть нас ублажит, потом уведём, – отвечает второй, и, пользуясь их переговорами, начинаю двигаться к выходу, так и стоя на карачках. – Куда, сучка? – хватает за волосы и, потянув обратно, наклоняется и вlepляет мне пощёчину с такой силой, что на секунду перед глазами всё расплывается, а в ушах звенит.

На мои крики сбежались их дружки, и теперь в комнате семь грязных, вонючих и пьяных мужиков. Это конец, мне не сбежать, не спастись. Быть изнасилованной подобными

особями... вот этого я точно не переживу.

Лучше умереть сразу.

С пеленой слёз на глазах я осматриваю комнату в поисках чего-нибудь, что может меня уберечь от этой участи. Уроды разговаривают между собой, ржут, а кто-то уже спустил штаны и дрочит себе. Цепляюсь взглядом за стоящую на тумбочке старую вазу с искусственными цветами. Долго не думая, встаю и срываюсь с места к тумбе, успеваю задеть её рукой, и под звон бьющегося стекла меня снова хватают за волосы и со всей силы толкают на пол. Затылок простреливает тупой болью, ощущаю себя на грани потери сознания.

Видимо ждать им надоело, потому что в следующую секунду двое опускаются на пол. Один рвёт тонкий свитер, второй хватается за штаны. Кричу, рыдаю, царапаюсь, моля их остановиться, но им плевать.

Господи, сделай так, чтобы у меня сейчас остановилось сердце.

14.2

Аля

Меня никто не слышит, даже бог, ведь я продолжаю ощущать на голых участках тела чужие противные руки. От мерзости меня тошнит, съеденная несколько часов назад булочка вот-вот выйдет наружу.

– Отпустите, пожалуйста, – молю сквозь рыдания.

Свожу ноги, когда кто-то пытается снять с меня трусики, за что тут же получаю удар по бедру.

– Вот тварь! – ругается противный голос, когда я, махнув руками, царапаю ногтями одного, и он лупит меня по руке так, что на миг она немеет.

– Не надо, – сиплю, продолжая отбиваться, но только силы теряю.

– Ты смотри, какая бойкая, – хмыкает один из них. – Может, свяжем?

– Давай, а то я уже протрезвел, – соглашаются его дружки.

Больно сжав волосы, меня заставляют подняться и сесть на колени. На мне осталось только нижнее бельё и носки, дрожу так, что зуб на зуб не попадает, то ли от страха, то ли от холода. Чувствую, как вокруг кистей наматывают ремень, и на меня обрушивается апатия. Силы покидают окончательно, мне не справиться одной против них. Что за судьба такая, быть насильованной?

– Рот открой! – рывкает один из них, подняв моё зарёванное лицо. – Не реви, тебе понравится, – добавляет, и все дружно ржут.

Перед глазами маячит волосатый пах, и сдерживать порыв тошноты не удаётся. Меня рвёт прямо у ног пузатого.

– Сука! – орёт он, и пихает носком ботинка в колено.

Оттаскивают в сторону, подальше от «места происхождения», и силой вливают в рот спиртное прямо из бутылки со словами: «Дезинфекция». Что они об этом вообще знают? Немытые, вонючие уроды.

– Ещё одного примете? – знакомый голос кажется галлю-

цинацией.

– Ты кто? – звучит недовольный тон.

– Только заселился, – отвечает Грозный, а это точно он. – Слышу, у вас вечеринка в самом разгаре, думаю, дай присоединюсь, – его спокойствие пугает сильнее, чем семь насильников.

– Вечеринка закрытая, – бросает кто-то.

Моргнув и сфокусировав взгляд, смотрю на выход, где к косяку прислонился Грозный и, как ни в чём не бывало, пускает сигаретный дым в потолок.

– Как невежливо, – цокает языком и отлипает от косяка. – Видите ли, товарищи, – громко произносит, – девочка эта моя, – указывает на меня рукой, в которой держит сигарету.

– Была твоя, стала нашей, – бросает тот, кто стоит ближе к двери, и все разрываются хохотом. – Можешь устроиться поудобнее и понаблюдать, – и снова мерзкий ржач. – Если не хочешь выйти отсюда вперёд ногами.

– Хм, – Грозный делает задумчивое лицо, затягивается и выпускает клубок дыма мужику в лицо.

– Охуел? – делает резкий выпад в его сторону и тут же орёт от боли, когда Грозный пихает сигарету ему в глаз.

И здесь начинается сцена из жёсткого боевика, где Грозный, как главный герой, расправляется со злоумышленниками.

Удар за ударом он раскидывает пьянчуг, превращая их лица в кровавое месиво. Зрелище не для слабонервных, звуки

тоже малоприятные – вопли, крики боли, мольбы. Грозный никого не жалеет, он выглядит как машина для убийств, я только и успеваю, что отползти подальше и вжаться в стену, продолжая рыдать. Он бьёт их с особой жестокостью, не оставляя живого места на их телах. Некоторые уже и сознание потеряли, а он всё бьёт и бьёт.

– Боже, – шепчу и мысленно благодарю за спасение. – Хватит, – прошу парня, не потому что мне жалко этих уродов, а потому что не хочу, чтобы у него возникли проблемы.

– Оделась! – рывкает на меня.

Спорить не буду и ждать тоже, встав с пола, лезу в чемодан и беру первые попавшиеся вещи, быстро натягивая их на себя, пока Грозный осматривает результат своей работы, пиная тела, видимо, по стонам проверяя, живы ли.

– На выход! – приказывает, посмотрев на меня и убедившись, что я готова.

Ноги едва держат, сил нет, и чемодан кажется безумно тяжёлым, но тащить его и не приходится, Грозный вырывает его из моих рук и подталкивает к выходу.

– Вы что натворили? – орёт появившаяся в коридоре хозяйка, заглядывая за наши спины.

– Позвонишь в ментовку и скажешь, что напились, что-то не поделили и отмузузили друг друга, а если вздумаешь правду рассказать, – он подходит к женщине вплотную и хватается её за шею. – Я приду, залью здесь всё бензином, в том числе тебя, и подожгу к хуям. Ясно? – тётка судорожно ки-

вает, и он её отпускает. – Что встала? Иди! – обращается ко мне, и я чуть ли не бегом выхожу из проклятого здания.

На улице не жду, когда мне скажут, что делать, вижу знакомую машину и иду к ней, а едва раздаётся щелчок разблокировки, сажусь на переднее пассажирское. От шока не осталось никаких эмоций, только пугающая пустота, ощущение грязи на теле и запах дешёвой водки изо рта.

– Наигралась, Хрустальная? – спрашивает, когда садится за руль и с визгом трогается с места. – Что, если бы я не успел? – голос ровный, но весь его вид говорит о том, что он в дикой ярости.

– Ты сам меня до такого довёл, – осмеливаюсь дать такой ответ.

А разве это не так? Не он виноват во всё этом?

– Что, мать твою, если бы я не успел? – рывкает, ударив по рулю.

– Какое тебе дело? – кричу и разрываюсь плачем. – Ты и сам издеваешься надо мной, – добавляю тише.

– Есть дело, Хрустальная, – бросает и прикуривает сигарету. – Есть, – кивает и больше ничего не говорит до самого дома. Его дома.

А я обдумываю его слова, но мозг отказывается хоть что-то понимать. Мне вдруг становится всё равно. Он прав, если бы он не успел, я бы валялась на грязном полу вся... и думать не хочу. Если и выбирать, то меньшее из зол. Вот такой вот выбор... без выбора.

Глава 15 Выгодное предложение

Аля

Была в какой-то прострации всю дорогу, и даже пока поднимались уже знакомым маршрутом на тринадцатый этаж. Я в таком шоке от всего, толком не понимаю, что творится, словно это и не со мной происходит, будто я просто зритель, наблюдающий со стороны. Но звук захлопывающейся двери выдёргивает из этого состояния, и я поднимаю глаза с очищенного до блеска пола на хозяина дома.

Грозный разувается и ставит обувь на специальную полочку у двери, следом идёт явно не по погоде куртка, она отправляется в шкаф. Отмечаю, что он какой-то дёрганный, движения резкие, нервные, как ребёнок, которого мама заставила убрать за собой.

Пока я всё ещё стою на месте, Грозный заканчивает с собой, и теперь я чувствую себя ребёнком, когда он начинает меня раздевать и отправлять мои вещи к своим.

– Пошли, – берёт за руку, от чего я вздрагиваю всем телом, словно пальцы в розетку засунула. – Сядь, – сам устраивается на диване и тянет меня за собой. – На меня смотри! – приказывает и, коснувшись пальцами моего подбородка, заставляет повернуться к нему. – Сука! – цедит сквозь зубы, осмотрев.

Я себя ещё не видела в зеркале, но, судя по тому, как саднит лицо, не стоит и смотреть.

– Надо было их прикончить к хуям, – говорит сам с собой.

Я же уставилась на него, как на затмение. На то, как он бережно убирает мне волосы за ухо, как едва ощутимо касается пальцами моего лица.

Наверное, у меня сотрясение, и всё это галлюцинации, потому что не может Грозный смотреть на меня с жалостью и, не побоюсь этого слова, нежностью. Это что-то из области фантастики, ведь человек, который с такой лёгкостью и жестокостью избивает взрослых мужиков, не способен на нежности.

– Иди в душ, – резко встаёт на ноги, и в голосе слышны уже знакомые нотки. – По коридору налево, – добавляет, указывая рукой куда-то за мою спину, отвернувшись от меня.

– А что такое? Противно? – насмешливо спрашиваю. – Конечно, противно, – хмыкаю и встаю на всё ещё дрожащие ноги. – Юзаная игрушка уже не так интересна, да ещё и с такими...

– Закрой рот! – рявкает на всю квартиру и в один шаг оказывается в миллиметре от меня. – Иди в душ и не зли меня, – шипит мне в лицо, обдавая запахом сигарет и ментола.

– Не злить? – срываюсь на крик. – Да как ты смеешь разговаривать со мной так? Это всё по твоей вине! Если бы не ты, я сидела бы и дальше в своей комнате общежития, и всё было бы хорошо. Зачем? Почему ты это делаешь? – у меня

уже истерика, всё тело трясёт, сердце колотится, по щекам текут слёзы. – За что ты так со мной? Я уже сто раз извинилась за ту выходку. Зачем ты надо мной издеваешься? – бью его кулачками по груди, рыдая как ребёнок.

– Тихо, – это всё, что он говорит и, схватив за руку, с силой прижимает меня к себе.

Не даёт никакой возможности пошевелиться, вскоре я и сама не делаю попыток двигаться, висну на нём без сил, продолжая рыдать. Ноги едва держат, голова гудит, щёки печёт от полученных ударов.

– Я мудак, – неожиданное признание, и вместе с ним я ладонью ощущаю, как сильно начинает биться его сердце под ребрами. – Не хотел так... – сжимает зубы до скрипа и шумно дышит. – Виноват я, чётко вдупляю. Повело не туда, голова кругом от тебя, – с каждым его словом я всё тише и тише плачу, а он продолжает гладить меня по спутанным волосам.

– Ты опозорил меня на весь институт, – почти шёпотом говорю.

– Пиздёж, – резким тоном бросает. – Я дал на лапу старухе и декану, больше никто ничего не знает. Я конечно, конченный, но не до такой степени, Хрустальная.

– Отпусти, – дёргаюсь, пытаюсь отстраниться.

– Нет! – отрезает и крепче сжимает в объятиях.

Я, наверное, полная дура, но после случившегося в хостеле в его руках мне спокойно и тепло. Необъяснимо, но факт.

– Ты отомстил уже, достаточно жестоко, пожалуйста,

оставь меня в покое, – не требую, прошу, даже молю.

– Это не месть, девочка, а лишь дорожка ко мне, – фило-софствует, отчего хочется в голос рассмеяться. – Отпустить не могу и не собираюсь... – не успевает договорить, как я начинаю биться в его руках, словно рыба на суше.

Опять одно и то же, зачем разговаривать, если он меня не слышит. Не нужно мне ничего, кроме моей прежней жизни, где нет Грозного.

– Пусти! – кричу и луплю кулаком по его груди. – Отпусти!

– Успокойся! – рывкает, и, вздрогнув, я застываю. – В общагу ты не вернёшься, – проговаривает по слогам. – В семье у тебя не самые лучшие времена, ты в поисках работы, – резко поднимаю взгляд на него.

– Ты следишь...

– Тихо, – перебивает. – Значит, вот как всё будет, – смотрит на меня сверху вниз с предельной серьёзностью в глазах. – Работу я тебе дам, с проживанием...

– Как интересно, – хмыкаю нервно. – И что же это? Проституция?

– Охерела? – брови хмурит, хватку на моей талии усиливает. – Молча слушаешь и в конце согласно киваешь.

– Ну конечно, – фыркаю и делаю новую попытку выбрать-ся.

– Мне нужна домработница, та, кто будет хату убирать, вещи мне стирать и готовить три раза на дню, – он говорит,

и по его лицу вижу, что не шутит, но я едва сдерживаю смех.

– Я похожа на дуру, которая поверит в это? – спрашиваю, округлив глаза.

– Комнату можешь выбрать любую, – продолжает, игнорируя мой вопрос. – Трогать тебя не буду, пока ты сама этого не попросишь, – вот тут я не выдерживаю и разрываюсь хохотом.

– Какое благородство, – произношу, успокоившись.

– Выбора у тебя нет, мать без работы, отец пашет без выходных, а возраст уже не тот для таких нагрузок, спина у него сдаёт с каждым днём, врачи давно советуют ему идти на пенсию или хотя бы уменьшить часы работы. Сестра школу заканчивает, выпускной, поступление, деньги нужны, а я буду тебе хорошо платить, – слушаю его с замиранием сердца.

– Откуда... откуда ты знаешь про папу? – задаю вопрос дрожащим голосом, потому что я сама первый раз слышу о проблемах отца со здоровьем.

– Это не имеет значения, Хрустальная, но я сегодня добрый, могу показать тебе копии анализов, если он так продолжит, то сляжет. А сейчас топай в душ и подумай, – наконец убирает от меня руки и отходит на шаг, а я остаюсь стоять как вкопанная.

Душ я принимаю на автомате, мыслями я далеко отсюда, но это не мешает мне тереть кожу до красноты. Сейчас все мои проблемы отошли на второй план, на первый встали па-

па и его здоровье. Он всегда таким был, никогда не показывал, если ему было плохо. Вечно отмахивался, мол, ничего такого, пройдёт, а сам едва на ногах стоял. Успевал и на завод, и дома с огородом и скотиной возиться, и отдыха не знал. Делал всё, чтобы у нас с сестрой было всё необходимое, вот и загибается.

Грозный вручил мне копию папиной выписки из поликлиники перед тем, как я в ванную комнату пошла. Не врал, у папы здоровье всё хуже и хуже, а он ничего не делает, наверняка думая, что нечего тратить деньги на какие-то лекарства, когда мама остаётся без работы и скоро в семье будет две студентки, а не одна.

Будет кощунством стоять в стороне и просто ждать, когда папа окончательно потеряет силы. Мама найдёт другую работу, но в нашем захолустье платят копейки, а я... вряд ли смогу совмещать высокооплачиваемую работу с учёбой. Если только бросить институт, но без образования меня максимум возьмут в супермаркет на кассе сидеть, а это, опять же, копейки, которых едва будет хватать на жизнь и съёмную квартиру или даже комнату. Ну и чем я в таком случае смогу помочь родителям?

Папе определённо нужно лечить спину, продать хотя бы половину животных и перестать корячиться на огороде. Сестре нужно учиться и поступать на бюджет в хороший вуз, а маме брать меньше часов на работе, а не как на хлебозаводе, пахать по двенадцать часов.

Сумма, которую бросил мне в спину Грозный перед тем, как я скрылась в ванной, весьма впечатляющая. Я даже не знаю, платят ли столько домработницам, скорее всего нет. И обещал не трогать, чему я, конечно, не верю, но... всегда есть какое-то «но», и в моем случае – это безысходность.

Выйдя из душевой кабинки, я понимаю, что вещей с собой не брала. Мои чемоданы остались где-то в прихожей, надетые на скорую руку там в хостеле штаны и кофту я лучше сожгу вместе с бельём, которое трогали грязные руки работяг.

Передёргивает от воспоминаний, к горлу подступает ком, хочется осесть на пол, прижать колени к груди и рыдать, пока не выплачу всю боль, стресс и ужасные картинки перед глазами. Но мне некогда себя жалеть, есть проблемы куда важнее, чем оплакивать себя. Слава богу, они ничего серьёзного не успели мне сделать, Грозный появился вовремя.

– Я девочка сильная, со всем справлюсь, – шепчу себе под нос и хватаю тёмно-синий халат с вешалки.

Надеваю, завязываю пояс и выхожу из ванной, отмечая, что пол тёплый и моим босым ногам не холодно. Приближаясь к гостиной, я слышу голоса, и шаг замедляется.

– Здравствуйте, – выдавливаю из себя, когда вижу стоящих у стола Грозного с чашкой кофе и уже знакомого мужчину.

Хаос, если не ошибаюсь. Врач, который накачал меня наркотиками, после чего Грозный избил его до полусмерти. Но

мужчина не выглядит обиженным, словно получать люлей для него в порядке вещей.

– Добрый вечер, – кивает мужчина и идёт мне навстречу.

– Без глупостей, Хаос, второй раз ты не выживешь, – предупредительно обращается к нему Грозный.

– Я понял и с первого раза, – закатывает глаза.

– Со мной всё нормально, – слабо сопротивляюсь. – Не нужно было никого беспокоить.

– Не обсуждается, Хрустальная, – мотает головой этот тиран.

– Можете прилечь, – говорит мне и рукой указывает на диван.

Перевожу взгляд на Грозного, и тот едва заметно одобрительно кивает. Не знаю, почему, не могу найти объяснение такой глупости, но я верю ему. Направляюсь к «месту осмотра» но вспоминаю, что на мне нет даже белья, и меняю маршрут в сторону прихожей. Нахожу спортивный комплект белья, который максимально всё скрывает, и, подумав немного, хватаю топ на тонких лямках и шорты. Убегаю обратно в ванную и одеваюсь, не забыв накинуть сверху халат, и только потом возвращаюсь и ложусь на диван.

– Гематомы, кровоподтёки... ничего серьёзного, – заключает Хаос через пять минут.

Он осмотрел и пощупал со знанием дела, не причинив никакого дискомфорта.

– Рёбра целы, никаких повреждений, синяки сойдут, мазь

хорошая есть, убирает все следы дней за пять, – заканчивает и, сняв одноразовые перчатки, встаёт на ноги. – Покой, тёплая еда и хороший сон, – говорит, смотря на хозяина дома. – Если будет температура, головокружение или тошнота...

– Сотряс, – договаривает за него Грозный.

– Но если симптомы не появились до сих пор, то, возможно, и не будет, – разводит руками. – А если...

– Я знаю, что делать, – кивает парень.

– Тогда я пошёл, – кивает мне в знак прощания и, не дожидаясь пока его проводят, уходит.

– Лучше? – интересуется у меня Грозный, когда хлопает входная дверь.

– Лучше, – сухо отвечаю, задумчиво уставившись в пустоту.

Я вроде подумала, пока плескалась в душе, взвесила все за и против и приняла решение, но почему-то сейчас трудно его озвучить.

– Ты будешь ко мне приставать? Заставлять... спать с тобой? – спрашиваю, но на него не смотрю.

– Тебя никто и никогда больше не будет заставлять, – отвечает, и появляется ощущение, что в его ответе скрыто куда больше смысла. – Твоя задача – держать хату в порядке, готовить мне стряпню и носки стирать.

– Очень заманчивое предложение, – бормочу под нос, но он всё слышит.

Осматриваю комнату и хмурюсь, потому что здесь всё си-

яет чистотой, значит у него уже есть...

– Клининг, – прерывает мои мысли, будто понял, о чём я думаю.

– Тогда зачем? – поворачиваюсь к нему.

– Готовка, – разводит руками. – Надоела ресторанная еда, хочется домашнего борща, – добавляет, но в глазах так и плещется насмешливость.

– Я готовить не умею, – бросаю, на что он усмехается.

– Врать ты не умеешь, Хрустальная, – встаёт со стула и двигается ко мне.

Поджимаю ноги под себя, скрыв их полами халата, слава богу, он больших размеров, и могу вся скрыться.

– Поступил я с тобой по-скотски, считай, что искупаю вину, – говорит серьёзным тоном, но звучит это неискренне. – Согласись, таких щедрых предложений у тебя не будет. А если я исправлю всё с общагой, пока ты будешь искать нормальную работу, пока отработаешь, получишь первую зарплату, пройдёт не меньше месяца. Времени у тебя немного, несколько часов после института, соответственно, и денег будет мало, – каждое его слово в точку, он явно мастер убеждения. – Ну а если ты согласишься на моё предложение, завтра же отдам тебе аванс, и ты отправишь родителям.

Поверить не могу, что он это делает. Он меня покупает, пользуется моей сложной ситуацией, и я сейчас не о комнате в общежитии, а о папе, которому нужно уйти с завода и заняться своим здоровьем. Половина обещанной Грозным зар-

платы – это ровно месячная оплата папы. Но я ведь могу им отправлять куда больше, мне-то немного надо.

Козёл!

– Согласен, – усмехается, и я понимаю, что последнее слово было сказано вслух.

– Прости, – шепчу и поджимаю губы.

– Да ты права, – не перестаёт удивлять сегодня. – Что? – спрашивает, когда я долго на него смотрю.

– Ты какой-то слишком... добрый, – озвучиваю свои мысли.

– Я ангел в дьявольском обликии, ты просто меня не знаешь, – проговаривает и встаёт с дивана, услышав дверной звонок.

Глава 16 Обещал – значит сделаю

Не обязательно закрываться от меня толстым слоем одежды, тем более что это нихрена не помогает, я всё равно буду тебя хотеть,

Грозный

Утро начинается неожиданно, когда через открытую дверь моей спальни проникает запах чего-то вкусного. Я не сразу догнал, казалось, что всё ещё сплю и мне снится мать, которая будила меня по утрам своим ласковым голосом. Но, открыв глаза, понял, что вместо покосившегося окна и вида на дряхлый забор передо мной раскинулся утренний Питер, а ароматы еды самые настоящие.

До моих ушей доносятся звуки гремящей посуды, и я невольно улыбуюсь, как придурок. Несмотря на то, что спал я хреново, потому что бегал в соседнюю комнату к Хрустальной при малейшем шорохе, чувствую себя отлично. Девочка стонала, всхлипывала и бормотала «не надо» почти всю ночь. Не спиздел вчера, когда сказал, что её никто не тронет без согласия, в том числе я.

Картинка из того гадюшника так и стоит перед глазами, один бог знает, чего мне стоило сохранять холодную голову. Не тупой, сам вдупляю, что вина на мне целиком и полно-

стью. По чесноку, не хотел и не ожидал такого поворота событий. Реально думал, что прибежит ко мне, всё сделает, что скажу, лишь бы я всё исправил. Но забыл, с кем связался, насколько она гордая, сильная и в то же время ранимая. На поклон не пойдёт, и уважение ей за это. Часто жертвы насилия ломаются, теряют себя и всю жизнь ходят с опущенной головой или находят мужика, который подчиняет, потому что сами не в состоянии больше что-то решать. Читал вчера и гордился своей девочкой, сильная она, именно такая сможет быть с таким, как я.

Трогать не буду, вообще никаких признаков, что стояк от одного взгляда на неё, не покажу. Будет сложно, то же самое, как показать путнику в пустыне ведро воды, но не дать и глотка сделать. Но если я хочу её доверия, а я на все сто процентов хочу, придётся держаться на волне «работодатель – работник». Идея пришла внезапно, прижал рыдающую девочку к груди и понял, что буду защищать от всего, а лучше это сделать, когда она под боком. Надавил на больное, зная наверняка, что ради семьи она на многое пойдёт. И не прогадал, она уже приступила к своим обязанностям.

По факту, мне ничего этого не надо, я никогда не завтракаю, клининг приходит раз в неделю, и этого достаточно, меня же дома почти не бывает, обед и ужин проходит в ближайшем с автосервисом ресторане, для стирки есть химчистка, но в основном этим занимаются девушки из клининга. Но мне нужно было что-то придумать, просто жить со мной и

получать деньги она бы не стала.

– Ладно, хватит прохлаждаться, – бормочу и, встав с кровати, иду вниз.

Хрустальная стоит у плиты и жарит яйца, ничего особенного, но запах такой, что я напрочь забываю о том, что обхожусь без завтраков. Подпираю стену плечом и смотрю, как на лбу девушки выступают капельки пота. Ну естественно, нацепила на себя широкие штаны и свитер по самое горло, в моей хате вечно тридцатиградусная жара, это отголоски прошлого, когда мёрз под мостом, теперь компенсирую.

– Доброе утро, – громко даю о себе знать.

– Доброе... господь, – резко отворачивается от меня.

– Нет, это всего лишь я, – усмехаюсь, довольный её смущением.

– Ты не мог бы одеться? – спрашивает, всё ещё стоя спиной.

– Я оделся, так-то я сплю голый, но сегодня ради тебя трусы надел, – отвечаю, сдерживая смех.

– Будь добр, надень хотя бы штаны, – со вздохом бросает через плечо.

– Подумаю, – киваю, хотя она и не видит. – Тебе, может, толстовку ещё принести? Вижу мёрзнешь, – всё же не сдерживаюсь и посмеиваюсь.

– Пошёл ты! – выплёвывает и поворачивается к плите.

– Хрустальная, я обещал не трогать – значит, не буду, не обязательно закрываться от меня толстым слоем одежды,

тем более что это нихрена не помогает, хоть в навозе иску-
пайся, я всё равно буду тебя хотеть, – проговариваю и, раз-
вернувшись, ухожу надевать штаны.

Да, сам в ахуе, но я буду уступать девчонке, пока терпе-
ния хватит. Когда возвращаюсь в зону кухни, замечаю, что
Хрустальная сняла свой вязанный свитер и теперь стоит в
чёрной футболке на два размера больше, оставляя место для
фантазии.

– Я не знала, что нужно готовить, – сообщает, поставив
на стол тарелку с едой. – В холодильнике нашла только яйца
и колбасу, шкафы пустые, одна посуда только. Если хочешь,
чтобы я тебе готовила, нужно больше продуктов, – серьёз-
ным тоном проговаривает. – И будет лучше, если ты мне за-
ранее скажешь, что именно готовить.

– Полагаюсь на твой вкус, – с улыбкой отвечаю, усажива-
ясь за стол. – Я не привередливый, – пожимаю плечами, на-
блюдая за её недовольным взглядом.

Её эмоции лучше любой стряпни, получишь хорошую до-
зу утром, и жрачка не нужна.

– Ладно, – бросает и мигом рисует безразличие на лице.

– Твоя тарелка где? – спрашиваю, отметив, что стол на-
крыт на одного.

– Я не буду...

– Будешь, – перебиваю. – Иначе из дома не выйдешь, –
говорю тоном, не терпящим пререканий.

– Знаешь, что...

– Сядь и ешь, или я силой тебя накормлю, – снова не даю договорить. – Потом поедем деньги твоим отправим, – добавляю, и это срабатывает.

– Невыносимый, – бормочет, накладывая себе яичницу, и садится напротив меня.

– Но какой обаятельный, – подмигиваю, выпитывая её гнев в себя.

На удивление аппетит проснулся, и завтрак я умял быстро, а вот Хрустальная до сих пор ковыряется в тарелке, так и не съев ничего, не считая пары глотков кофе. Она уставилась в окно, будто и не здесь, жуть как интересно, о чём думает. Вижу синяки на её красивом личике, следы пальцев на предплечьях, бордовые линии от ремня на запястьях и зубы сжимаю до скрипа. Ещё паршивее от того, что в этом есть моя вина. Надо было найти место её нахождения и ехать за ней сразу, потом уже к отцу наведываться.

Но я всего этого так не оставляю, то, что эти уроды получили вчера, лишь малая доля того, что заслуживают. Процесс уже запущен, как только выпустят из обезьянника, мои ребята их захватят, и тогда они пожалеют, что на свет родились.

Хрустальная сидит такая отрешённая, задумчивая, но ни капли сожаления во взгляде, не выглядит сломленной. Всё-таки сильная девочка, другая бы на её месте наверняка лежала и рыдала в подушку. Но не она. Встала и завтрак мне, мудаку, приготовила, а я не заслужил даже грёбаной чашки

кофе. Ей ведь сто пудов больно, отлично знаю, не раз по роже получал, помню, как всё саднит, жжёт, тянет.

– Могла бы и отлежаться пару дней, – выдаю мысли вслух.

В ответ ничего, даже не реагирует, продолжая смотреть в окно бездумным взглядом. Не могу не отметить, что несмотря на все следы вчерашнего, она всё равно привлекает меня. Не припомню подобного к другим девкам, даже близко. Вообще удивительная тяга, необъяснимая, но пиздец какая сильная. Словно привязала меня к себе невидимыми нитями. Но ей это нахрен не надо, значит, сам какого-то чёрта привязался.

Не надо...

А это не вставляет нихуя. Обещал вчера, что никто её против воли не тронет. И не трону. Но вот от факта, что я её не привлекаю, паршиво как-то. Вроде раньше похуй было, что сейчас поменялось?

Пока сама не захочешь...

А захочет ли? Чем её брать? Реакция какая-то есть ведь, дрожит, краснеет, дыхание сбивается. И плевать, что один раз только было, всё равно поплыла.

Дожил, вашу мать, сию и рассуждаю, чем девушку привлечь. Но если я хочу покладистую кошку, которая стонать будет, а не сыпать проклятиями, нужно действовать по-другому. Что там пацаны делают? Цветы, прогулки под луной, рестораны, подарки. Нет, Хрустальную подарками не взять, а с цветами за ручку гулять я уже себя не вижу. В общем,

пока хрен знает, как быть, но подумаю на досуге.

– Если есть не будешь, то и работать не позволю, – обращаюсь к ней, и опять ноль внимания.

Поднимаю чашку, выпиваю остатки холодного кофе, и с грохотом ставлю чашку на стол, наконец добившись реакции девчонки напротив.

– Кончай голодовку, иначе никуда не поедem, – бросаю и, встав из-за стола, иду наверх.

Захожу в комнату, намереваясь пойти принять душ, но меня отвлекает вибрация телефона на прикроватной тумбе. Ответить не успеваю, звонок обрывается, на экране отмечаю семь пропущенных от Макса. Что, блядь, уже случилось с утра пораньше? Набираю друга, и тот отвечает, едва раздаётся первый гудок.

– Куда ты делся, дерьма ты кусок? – орёт в трубку.

– Берега попутал? – в ахере спрашиваю, нахмурившись. – Или уже бахнул с утра?

– Ты со вчерашнего дня не отвечаешь, – проговаривает друг, и я слышу на фоне, как щёлкает зажигалка. – Парней наших напряг каких-то мужиков притащить. Какого хера, Дава?

– Уже привезли? – улавливаю только самое важное.

– Только что, – отвечает Макс. – От них несёт мочой и перегаром, объясни тупому мне, какого лешего в нашем подвале избитые бомжи?

– Объясню на месте, – бросаю и отключаюсь.

Душ принимаю быстро, одеваюсь и спускаюсь вниз, где на встречу мне выскакивает Хрустальная с кухонным полотенцем в руках.

Чёрт! Обещал же поехать с ней.

– Ты уже готов, я сейчас, быстро, – произносит и, сложив тряпку на столешницу, несётся к лестнице.

– Подожди, – ловлю её за руку. – Давай номер счёта родителей, я скину деньги по дороге.

– А... ты сказал, вместе поедem, – ресницами своими длинными на меня хлопает.

– Сказал, – киваю. – Но планы поменялись, родакам твоим деньги я скину, – говорю и вытаскиваю кошелёк из внутреннего кармана куртки. – Держи, – протягиваю одну из карт. – Продукты закажи, ни в чём себе не отказывай.

Она смотрит на меня, как на дебила, потом опускает глаза на протянутую банковскую карту.

– Я не могу покупать продукты по интернету, – бросает, и теперь я смотрю на неё, нихера не вдупляя.

– Хрустальная, это проще простого, как шмотки заказывать...

– Ты серьёзно? – перебивает. – По дисковому телефону можно такое сделать?

– Что? – окончательно проёбываюсь.

– Думаешь, всё настолько плохо? – нервно хмыкает. – Мне нужно лично всё выбрать, потрогать, проверить. Короче, ладно, я сама пойду в магазин...

– Нет! – отрезаю резко. – Блядь, – вздыхаю и лоб нервно тру. – Я вернусь через два часа и отвезу, куда там тебе надо. Одна из дома ни ногой, – пальцем тычу.

– Мне же пять лет, конечно, – фыркает и руку из моего захвата вырывает.

– Я забью на все правила и закрою тебя на ключ, не испытывай мою... доброту, – говорю максимально серьёзно.

А сам осознаю, что нихера подобного. Рука не поднимется уже чем-то её обидеть или задеть. Капец тебе, Грозный.

Глава 17 Обманчиво спокойно

Заставил поверить, что он нормальный, а это была всего лишь перестраховка

Аля

Дверь хлопнула, и я осталась одна в чужой квартире. Не впервые, но на этот раз мне не страшно и я не рыдаю на полу. Может, из-за вчерашнего, когда я чувствовала реальную угрозу, или, возможно, из-за поведения Грозного, ну или во мне что-то сломалось... Но мне и в самом деле спокойно здесь. Рядом с ним. Странно всё, но нет смысла думать об этом. Самое главное – я смогу помочь родителям и при этом не нужно бросать институт.

Поднявшись наверх, в мою новую комнату, я встаю посередине просторного помещения и осматриваюсь. Хоромы, сказала бы я, после общежития-то. Огромная кровать с мягким матрасом, личный шкаф, комод и зеркало над ним, даже телевизор напротив кровати висит. Но самое главное – это ванная комната. Просторная, в светлых тонах, с угловой ванной и вся только моя. А значит, я просто обязана испробовать её. Чем, собственно, и занимаюсь следующий час, наслаждаясь ароматной пенкой и расслабленностью.

В горле по-прежнему стоит ком, и в голове голос шепчет, что надо бы поплакать и избавиться от него. Но я не хочу.

Не хочу жалеть себя, оплакивать ситуацию, и вообще, нужно это забыть, как страшный сон. Просто не думать, буду представлять, что ничего не было и в этом доме я оказалась по объявлению. Всё лучше, чем реальные обстоятельства.

Когда вода остыла, я вылезаю из ванны и, быстро сполоснувшись, заматываюсь в пушистое полотенце. На полке их несколько, они новые и аккуратно сложены. Встав у раковины, я смотрю в зеркало, и морщусь от увиденного. На лице, предплечьях, запястьях и даже на рёбрах фиолетовые следы. Щека чуть припухла, и в принципе вид у меня оставляет желать лучшего.

Вопрос: куда я с таким лицом собиралась? Внимание к себе привлекать в супермаркете? Прав Грозный, нужно заказать всё по интернету и не выделяться. Да, привыкла, что с мамой ходили на рынок, щупали, трогали и выбирали лучшее, но я не в своём захолустье на рынке.

Но сначала надо одеться и не щеголять в одном полотенце в чужом доме. Иду вниз за своими чемоданами и тащу их наверх. Переодеваюсь в домашние легинсы и футболку на два размера больше длиной до середины бедра. Полчаса уходит на то, чтобы разложить свои вещи в шкафу. Косметику раскладываю на комод и душевые принадлежности в ванной комнате. А закончив, кручусь вокруг своей оси и улыбаюсь как дурочка. У меня своя большая комната.

Так, Аля, не забывай, что ты на работе, иди займись делом. С этой мыслью спускаюсь на кухню и ещё раз проверяю

все шкафчики. Пустыня везде, словно здесь и не живёт никто. Ну, если не считать банку с молотым кофе для аппарата.

– М-да, тяжёлый случай, – вздыхаю и, сев на диван, открываю онлайн-магазин.

Денег не жалею. И не из вредности, а потому что всё то, что бросила в корзину, необходимо. Закончив с продуктами, я немного думаю, встаю и брожу по квартире, открывая все комнаты в поисках прачечной. Мне ведь «стирать носки», нужно убедиться, что мне есть чем их стирать.

Минут через двадцать я уже думаю, что нужно позвонить «начальнику», потому что я нигде не нахожу стиральной машинки. Не верю, что у него её нет, даже если он сам не пользуется, кто-то ведь ему стирал раньше. Размышляя, я натыкаюсь взглядом на высокий шкаф, часть кухонной мебели, но я туда точно не заглядывала. Подхожу, тяну за ручку, и бинго, я попадаю в нужную мне комнату.

– Так, стиральная машина, сушильная, пустые полки, где кукует одна пачка капсул для стирки и то заканчивается, – проговариваю вслух. – Точно, средства для уборки ведь нужны, – добавляю и захожу на сайте в нужный раздел.

Сумма накопилась впечатляющая, и я не могу решиться завершить заказ. Так и стою с телефоном в руке, думая, как лучше поступить, когда он начинает вибрировать. «Мама», – всплывает на экране, и сердце пропускает удар, потому что это видео-звонок. Не думаю, сразу же отключаю и звоню обычным способом.

– Алло, – раздаётся мамин голос, едва гудки проходят.

– Мамочка, мне сейчас неудобно по видео разговаривать, – произношу спокойно, но сердце так и колотится.

– Дочка, мне тут большая сумма на счёт поступила, написано, что от тебя, не объяснишь? – строгий тон родительницы ставит в ступор.

– Ну, я на работу устроилась, аванс попросила...

– На какую работу, Алёна? Это где студентам такие деньги платят? – перебивает, и от нервов я губу прикусываю.

Я даже не знаю, сколько Грозный перевёл, и вообще, не думала, что вопросы будут. Логично, что будут, у любого родителя возникли бы.

– Домработницей у состоятельного человека, – отвечаю, и это почти правда.

– Алёна, я ценю и благодарна тебе за твоё рвение помогать нам, но не надо никуда лезть, – голос у неё всё строже, а я уже не знаю, как оправдаться.

Хотя, по факту, и не надо, это ведь правда всё. Ну, частично... но не говорить же, что работаю у парня, который преследует меня и мечтает затащить в свою постель.

– Мамочка, тебе не о чем волноваться, я никуда не влезла и не собираюсь, это правда работа, – ровно проговариваю и, как мне кажется, убедительно.

– Аля, такие деньги уборщикам не платят, – не унимается родительница.

– Так я и не уборщица, а домработница, в мои обязанно-

сти входит не только мытьё полов, и зарплату я взяла наперёд за месяц, – тараторю, чувствуя, как дрожат коленки.

– Ты сказала это аванс...

Чёрт! Внимательнее будь, Аля!

– Ну, авансом зарплату дали, – повисает пауза, за время которой я падаю на стул, не в силах стоять на ногах. – Мам, правда, не стоит волноваться. Это Питер, начальник у меня очень состоятельный и добрый, в ситуацию вошёл, согласился помочь.

– А учёба? – спрашивает мама, и по голосу понимаю, что мне удалось её успокоить.

– Работа никак не мешает, обещаю, – говорю с улыбкой и слышу вздох по ту сторону.

– Прошу, будь осторожней и думай о себе, – сдаётся родительница.

– Обязательно, а ты заставь папу лечиться, – проговариваю, и по ту сторону опять тишина.

– Откуда ты знаешь? – теперь очередь мамы волноваться.

– Не важно, но, пожалуйста, поговори с ним, и пусть он берёт меньше часов, – прошу, и снова вздох на том конце.

– Я попробую, знаешь же, какой он у нас.

– Знаю, – киваю больше себе.

Попрощавшись с мамой, я ещё несколько минут остаюсь сидеть на стуле в прачечной и буравить стену в каких-то раздумьях.

– Всё нормально? – раздаётся сбоку, и я с криком прыгаю

со стула как ужаленная, приземляясь на кафельный пол.

– Твою мать, Хрустальная, что за мазохистские наклонности самой себе вредить? – ругается Грозный, наклонившись и взяв меня на руки.

Первые секунды я толком и не понимаю, что произошло, доходит, только когда крупная ладонь невзначай проходится по моей ягодице.

– Пусти меня! – требую, начав брыкаться в руках Грозного. – Отпусти сейчас же! Ты обещал! – срываюсь на крик, перед глазами вчерашние кадры, и меня начинает бить крупная дрожь. – Отпусти! – кричу, а к горлу ком подкатывает.

– Успокойся, – слышу, словно из-за толстого стекла. – Спокойно, – его руки прижимают сильнее, но я будто не слышу.

– Не надо, – продолжаю орать. – Обещал! Не трогай!

– Да ёб твою налево, – доносится до моих ушей его голос.

Меня куда-то несут, пока я, словно рыба без воды, бьюсь в истерике, махаю кулаками, царапаю ногтями. И вдруг лицо окатывает холодом, я резко замолкаю и осознаю, что мы уже на кухне и меня обрызгали холодной водой.

– Успокойся, ничего не произошло, – ровный и вкрадчивый тон немного приводит в себя. – Я просто поднял тебя с пола...

– Отпусти! – требую, но уже спокойнее.

– Успокоилась? – спрашивает, не торопясь ставить меня

на ноги.

– Да! – слишком эмоционально выкрикиваю.

– По глазам вижу, – усмехается и наконец спускает меня на пол. – Будь аккуратней, мне не охота искать новую полойку.

– Что? – прищурившись и всё ещё тяжело дыша, поднимаю взгляд на него.

– Что? – повторяет за мной, выгнув брови.

– Какой же ты... – замолкаю, но мысленно всё же договариваю. – Будь...те так добры, – специально перехожу на «вы», – не прикасаться больше к полойке.

– Надо было дать тебе сломать что-нибудь, может, была бы добрее, – выплёвывает и обходит меня.

– Я упала со стула, а не со второго этажа, ты просто повод нашёл меня облапать, – кричу в спину, развернувшись.

– Облапать? – переспрашивает и, резко застыв, разворачивается и идёт на меня, как хищник на свой обед.

Пячусь назад и вжимаюсь поясницей в столешницу. Надо бы придержать свой язык за зубами, иначе Грозный плюнет на свои обещания, в которые я и так не верю.

– Думаешь, – медленно и тихо, словно я могу не понять. – Мне в кайф, – каждый шаг сопровождается словом, – трахать орущую девку, – он уже нависает надо мной, как скала над горной речкой. – Я сыт по горло твоими истериками, ты здесь, потому что я грёбанный добряк, решивший искупить свои грехи и помочь убогим, – нет ни одного слова в этой

фразе, которое не делало бы мне больно.

Слёзы так и норовят выйти наружу и показать, как сильно он меня задел сказанным. Но я держусь, не собираюсь обнажать свои чувства. На что я вообще надеялась, Грозный есть Грозный, и то, что он спас меня вчера, врача позвал и накормил, ничего не значит. Одноразовая акция, не более. Бдительность мою усыпил, вот и вся его доброта. Уверена, он не делает чего-либо просто так, явно есть план, а вчера и утром он просто следовал ему.

– Знаешь, что, – собираю всю свою злость на него, – пожалуй, ты сам постираешь себе носки, – выплёвываю и делаю шаг, собираясь обойти, подняться наверх и собрать свои вещи.

– А нет, Хрустальная девочка, – схватив меня за локоть, он удерживает на месте. – Так просто, ты не уйдёшь, – говорит мне в лицо, хитро оскалившись. – Забыла? Я уже заплатил за твою работу.

На это я только рот открываю и закрываю обратно. Осознание приходит резко, внезапно, как свалившаяся на меня гранитная плита. Он специально! Всё подстроил! Заставил поверить, что он нормальный, а это была всего лишь перестраховка.

– Месяц, Хрустальная, – шипит, наклонившись к моему лицу. – Месяц тебе ещё стирать мои носки, – встав на ту самую плитку, он прыгает на ней, вдавливая меня в землю.

– Я лучше кредит у бандитов возьму, но от тебя уйду...

– Да что ты! Думаешь, тебе удастся? – он явно забавляется над моей безысходностью. – Я такой же бандит, и каждая собака в городе об этом знает. Так что займись своими обязанностями.

– Ты пожалеешь, – бросаю, и от досады даже ножкой топая.

– Да-да, – отмахивается от меня и, пройдя мимо, усаживается за стол. – Кофе мне сделай, – говорит тоном барина, уткнувшись в телефон.

«Козёл! Урод! Чтоб ты подавился!» – мысленно злюсь, пока делаю чёртов кофе. Возникает мысль плюнуть в кружку, но не могу опуститься до такого. А вот соль вместо сахара добавить – запросто. Я ведь могу перепутать, первый день на «рабочем месте», все могут косячить.

– Прошу, господин, – ставлю чашку на стол. – Барин, пожелает что-то ещё? – не могу удержаться от колкости.

– Не паясничай, – бросает, продолжая таращиться в телефон, а я чуть не задыхаюсь от возмущения, когда понимаю, что это мой телефон.

– Что ты делаешь? – кричу и пытаюсь вырвать сотовый из его рук.

– Успокоилась и села! – рявкает, убрав руку подальше от меня.

– Это мой...

– Я завершаю заказ, – прерывает, и я захлопываю рот, присев на стул рядом с ним. – Так-то лучше, – довольно лыбит-

ся. – Это всё? – вопросительно смотрит на меня.

Киваю, жалея, что не стала бросать в корзину всё, что под руку попало. Хотя какая-то месть за его обидные слова. Но ничего, у меня ещё будет шанс отомстить. Ему так надоест, что сам вышвырнет из своего дома, а деньги я как-нибудь верну.

– М-м-м, отличный кофе, – вырывает из мыслей его мычание. – Первый раз такой пробую, какая-то особая технология? – склонив голову к плечу, он наблюдает за тем, как краснеют мои щёки.

Мне одновременно приятно и стыдно. Перестарались мои родители с воспитанием, надо было им пропустить пару уроков, чтобы я не выросла такой совестливой. Я ведь ещё тогда, при первой встрече, извинилась, перед тем как его ударить.

– Ага, турецкая, – бормочу, прилагая большие усилия, чтобы не отводить взгляд.

– Отлично, с этого дня пью только такой, – заявляет, допив весь кофе и вернув на стол пустую чашку.

М-да, тяжело мне будет мстить такому, как Грозный.